

КНИГИ, О КОТОРЫХ ГОВОРЯТ

ЗАХВАТЫВАЮЩЕ ►

УДИВИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
О ПОБЕДЕ ЧЕЛОВЕКА
НАД СТИХИЕЙ

438 дней в море

18+

ДЖОНАТАН ФРАНКЛИН

Книги, о которых говорят

Джонатан Франклин

**438 дней в море. Удивительная
история о победе
человека над стихией**

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Сое)-44

Франклин Д.

438 дней в море. Удивительная история о победе человека над стихией / Д. Франклин — «Эксмо», 2015 — (Книги, о которых говорят)

ISBN 978-5-04-094212-1

Как долго можно выжить в открытом море, без средств связи, еды и пресной воды? Неделю? Месяц? Год?... Опытный рыбак на акул Альваренга и его помощник 22-летний мексиканец Кордоба отправились ловить акул, но попали в жуткий шторм. Мотор вышел из строя, и их лодку унесло в открытый океан. Без еды, снастей и пресной воды им только и оставалось как дрейфовать на волнах и надеяться на чудо... А ровно через 438 дней жители атолла Эбон, входящего в состав Маршалловых островов и находящегося в 10 000 километров от Мексики, заметили рядом со своим жилищем худого мужчину в разодранной одежде и обросшего густой бородой... Эта история так поразительна, что некоторые до сих пор не верят в ее подлинность. Но правда порой оказывается гораздо невероятнее реальности.

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-094212-1

© Франклин Д., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Джонатан Франклин

438 дней в море: удивительная история о победе человека над стихией

© Черепанов В.В., перевод на русский язык, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Моему отцу, Тому Франклину, с детства учившему меня, как важно поставить в нужном месте запятую, как создать японский сад и правильно ухаживать за ним, привившему мне прямо-таки дьявольское чувство юмора и всегда подававшему пример силы бодрости духа.

Глава 1

Ловцы акул

Его звали Сальвадор. Он пришел в город босиком, и ноги его были содраны в кровь. Он говорил всем, что ищет работу, готов взяться за любое дело, но каждый при одном только взгляде на него понимал, что пришелец выглядит как человек, находящийся в бегах.

Сальвадор Альваренга шел шесть дней по камням вдоль побережья Мексики, пока не достиг городка под названием Коста-Асуль. Из вещей с собой у него был только небольшой рюкзак, а одежда была изорвана в клочья. Очутившись осенью 2008 года в Коста-Асуль, Альваренга почувствовал, как у него гора упала с плеч. Мангровые болота, простиравшиеся вокруг кукурузные поля, шум океанского прибоя и уютная лагуна, закрытая со всех сторон от штормов и ветров, – все это напомнило путешественнику его родной Сальвадор, но в отличие от родины здесь его никто не хотел убить. В деревушке на берегу проживало всего лишь несколько сотен человек, но зато она была густо населена стаями перелетных птиц, которые ежегодно совершали путешествие длиной в 2000 миль, отправляясь на юг из Калифорнии. Тысячи морских черепах приплывали сюда, чтобы отложить яйца в песок, а вылупившиеся черепашата мигрировали на большие расстояния (некоторые проплывали до 12 000 миль, путешествуя через весь Тихий океан до побережья Китая). Коста-Асуль представлял собой нечто среднее между райским уголком для любителей экотуризма и американским Диким Западом, где беззаконие было частью повседневной жизни. **В ОБЩЕМ, ЭТО БЫЛО ИДЕАЛЬНОЕ МЕСТО ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА, ЖЕЛАЮЩЕГО ЗАБЫТЬ СВОЕ ПРОШЛОЕ И НАЧАТЬ ЖИЗНЬ С ЧИСТОГО ЛИСТА.**

Улыбчивый, круглолицый и светлокожий Альваренга, готовый прийти на помощь любому, прибыл в городок без визы и разрешения на работу. Он выдавал себя за мексиканца и пылко это отстаивал, если кому-то приходило в голову сомневаться в его словах. Как-то раз его остановил полицейский патруль, заподозрив в нем иностранца, и Альваренга тотчас же принялся распевать национальный гимн Мексики:

*Война, война без удержу, без остановки
Против того, кто попытается запятнать
честь отечества,
Война, война!
Патриотические знамена,
Омытые волнами крови, реют вокруг.*

У Альваренги был скверный голос, он ужасно фальшивил, а от переизбытка самоуверенности исполнение становилось только еще хуже. Но певец демонстрировал такую пламенную гордость за свою страну, что удовлетворенные искренностью, которой было переполнено импровизированное представление бродяги, полицейские отпустили его.

Коста-Асуль, богом забытый городок, расположенный в штате Чьяпас, считается одним из самых бедных в Мексике. Через него идет поток эмигрантов, которые, впрочем, не задерживаются здесь, продолжают свое путешествие дальше на север, к границе Соединенных Штатов. Мало кто из новоприбывших смог хорошо устроиться и поймать удачу за хвост в условиях разбитой и еле держащейся на ногах местной экономики, но тридцатилетний Альваренга не интересовался тем, что происходило на земле. Его взгляд был устремлен в сторону океана, куда он смотрел с тех пор, как ему исполнилось одиннадцать. Тогда он вместе с друзьями, бросив школу, удрал на побережье, чтобы жить вольной жизнью на пляжах Сальвадора. Коста-Асуль

был хорошим местом для него, но не как дом, а, скорее, как место постоянной дислокации. Отсюда можно будет отправляться в море и совершать многодневные путешествия к богатейшим рыбным угодьям, какие только можно сыскать вдоль разграбленного побережья Мексики в ее разоренных экосистемах.

Коста-Асуль был защищен от гнева океанских штормов островом длиной в несколько миль, который образовывал естественную лагуну, и окружен чащей труднопроходимых мангровых лесов, не знавших звука топора. Он изобилует живописными пейзажами, достойными занять почетное место на рекламном постере или почтовой открытке. Здесь ходили длинные косяки рыб, осознававшие всю фатальность своего существования, только когда им в бок вонзался острый, как нож, клюв голубой цапли или когда они попадали в челюсти крокодила. Как и перелетных птиц, Альваренгу привлекала эта лагуна, защищенная от всех ветров и невзгод, прежде всего обилием рыбы, которую можно было ловить чуть ли не руками. Издалека залив искрился и сверкал, как драгоценный камень. В то время как на берегу ревели яростные шторма, не затихавшие порой неделями, мангровые джунгли смягчали нрав стихии и защищали местное сообщество от гнева небес. Подобно тому, как в самом центре тайфуна образуется совершенно тихая и безветренная область, так и Коста-Асуль обладал сверхъестественной способностью оставаться целым и невредимым, находясь в месте схождения бурь и ветров.

«Ходить по морю, может быть, не так уж и сложно, но все дело в том, что там, в океане, тебе придется встретиться с целым сонмом самых разных чудовищ, – сказал как-то Альваренге его товарищ-рыбак, известный под именем Эль Омбре Лобо, или Вулфман (человек-волк). – Если ты отправляешься в открытое море, то будь готов ко всему, что оно поберегло для тебя: ветер, шторм, поднывавшая из самых глубин дна тварь, готовая сожрать тебя в любой момент, ну и все прочие опасности. **МНОГИЕ ПЛАВАЮТ ВДОЛЬ ПОБЕРЕЖЬЯ, НО ЭТО СОВСЕМ НЕ ОДНО И ТО ЖЕ, ЧТО ВЫЙТИ В ОТКРЫТЫЙ ОКЕАН. НАСТОЯЩИЙ ОКЕАН НАЧИНАЕТСЯ В 120 КИЛОМЕТРАХ ОТ БЕРЕГА.** Люди живут на пляже и не знают бед: спят себе в удобных кроватях, но там, в океане, их охватывает страх. Ты его чувствуешь и в груди, и во всех других уголках тела. Там даже твое сердце начинает биться по-другому».

Альваренга пришел в Коста-Асуль по кромке моря, увязая в топях мангровых болот и обдирая ноги об острые камни, которыми усеяны дикие тихоокеанские пляжи. Остальные же обычно приезжали сюда по узкой мощеной дороге, отходящей от мексиканской скоростной магистрали под номером 200, что бежала вдоль побережья. Ответвление от главного шоссе длиной 7 миль как бы разрезало городок Коста-Асуль на две части и выходило прямо к океану. Если повернуть направо, попадешь в шикарные экоотели, где подают безвкусную мексиканскую пищу, «Маргариту» за 12 долларов и предлагают совершить частную экскурсию в какой-нибудь птичий заповедник. Так владельцы фешенебельных заведений извлекают выгоду из стремления туристов-англичан увидеть очередные виды птиц из прихваченного ими атласа.

Усыпанные белым песком пляжи, покоящиеся под сенью пальм, манят отдыхающих, обещая уединение, девственные пейзажи, населенные пересмешниками, розовыми колпицами, скопами и десятками других видов птиц, которые летают и порхают в вечной беззаботности и беспечности. Детишки туристов резвятся на берегу лагуны, чьи воды облюбовали крокодилы величиной с товарный вагон. По мнению местных официантов, это не слишком мудрое решение. Но поскольку в их обязанности не входит высказывать свои соображения по тому или иному вопросу или предупреждать гостей о возможных бедах, они держат язык за зубами.

Большинство домов, расположенных между отелями, откуплено местными предпринимателями и политиками. Они предрекают своей родине процветание и уверены в том, что она обязательно станет золотым дном туристического бизнеса, как только иностранцы избавятся от собственных предрассудков. По их мнению, Мексика является страной кровожадных бандитов

и наркобаронов, где в барах регулярно вспыхивают перестрелки и поножовщины, а официанткам отрубают головы. В общем, это светлая часть городка Коста-Асуль, одна сторона медали.

В другой части, по левую сторону от шоссе, расположился ряд бедных рыбацких лачуг, теснящихся друг к другу прямо напротив причалов, возле которых пришвартовано с десятков лодок. По форме эти лодки напоминают каноэ, достигают в длину примерно 7,5 м, и каждая способна развить скорость до 50 миль в час, особенно если установить на ней два подвесных мотора фирмы «Ямаха» по 75 лошадиных сил. В этой части города и обосновался Сальвадор Альваренга. Имея за плечами десятилетний опыт плавания по морю, он надеялся найти босса, который бы воплотил в жизнь его мечту: стать капитаном собственного судна – маленькой рыбацкой лодки, на которой можно будет ходить в океан. Впрочем, в таком деле торопиться никогда не стоит. В этой части Коста-Асуль местное население, а именно суровые рыбаки, относилось к чужакам недоверчиво и тотчас же встречало непрошенных гостей подозрительными взглядами и обычными, приличествующими в такой ситуации вопросами: «Кто ты такой?» и «Что тебе нужно?». Подобно тому как в барах и пабах ИРА в Ирландии или в некоторых особого рода итальянских ресторанах в бостонском Норт-Энде сохраняется кастовость и закрытость для посторонних, так и в Коста-Асуль жители старались поддерживать традиции, связывающие их друг с другом и обособляющие от остальных. Нельзя просто так, случайно заглянуть в Коста-Асуль от нечего делать, считали они. Любой местный рыбак объяснил бы вам, почему местные так серьезно относятся к пришельцам. **«ХОТИТЕ УЗНАТЬ, ЧТО НА САМОМ ДЕЛЕ ПРОИСХОДИТ В ЧЬЯПАС? ТОГДА ОТПРАВЛЯЙТЕСЬ-КА НА ОСТРОВ ЧАСИКА В ДВА НОЧИ И УВИДИТЕ КАРАВАНЫ ЛОДОК, ПРИНАДЛЕЖАЩИХ МЕСТНЫМ НАРКОБАРОНАМ.** Каждую ночь они переправляют через границу кокаина на два миллиона долларов. Вся полиция штата Оахака, лежащего к северу от Чьяпас, куплена с потрохами».

Альваренга не был наркодилером, и он не испытывал никакого желания совершать, пусть даже иногда, переброски кокаина через границу, хоть это занятие и сулило контрабандисту хорошие барыши. Ему доводилось ходить по морю вблизи берегов Мексики, и он знал, чем все это заканчивалось для рыбаков, осмелившихся сунуться в наркобизнес крутых «Лос Килосов», когда их интересы вступали в конфликт с интересами местных наркобаронов. Как-то раз ему попалась полузатонувшая рыбацкая лодка, корпус которой был изрешечен пулями. Следов команды на судне не наблюдалось. Даже если их и съели акулы, это была наиболее милосердная смерть, которую они могли принять. По крайней мере, эти твари не пытаются. Альваренга попытался отбуксировать лодку к берегу, но по пути она затонула.

В Коста-Асуль Альваренга первое время не особо распространялся о себе и вообще старался поменьше открывать рот. Дела салвадорца говорили о нем больше, чем слова. Он где-то раздобыл себе метлу и начал с уборки: прилежно мел улицы в туристической части города, выносил мусор с причала, а спал под деревом. Когда Альваренгу узнали получше, его положительные качества: веселый нрав, трудолюбие, великодушие и готовность прийти на помощь рыбакам – произвели на местных огромное впечатление. «Он всегда кому-то помогал, – вспоминает Харочо, старый рыбак из Коста-Асуль. – Даже если его не просили, он присоединялся и работал наравне с другими. Вот так он и завоевал уважение других людей». Альваренга не был похож на бродягу: для этого он был слишком аккуратным, чистым и предприимчивым. Однако о своем прошлом рассказывать не любил, ограничиваясь лишь рядом малозначимых фактов. Когда у него возникало желание, он начинал травить байки – удивительные истории о своих приключениях на море. Надо сказать, он любил и умел развлекать зрителей.

Шеф-повар одного из местных кафе расплачивался за работу с веселым здоровяком едой. Потом Альваренге стала перепадать кое-какая мелочь – одна-две банкноты по 50 песо (4 доллара). И прежде чем миновал первый месяц его пребывания на новом месте, он уже стал помощником рыбака. «Чинить порванные снасти – не такая уж интересная работа, но Саль-

вадор выполнял ее безупречно, – вспоминает Харочо. – Он, бывало, говорил: «Босс, тут не хватает двадцати крючков». А если замечал, что какие-то снасти сложены неправильно, тотчас разворачивал их и складывал как нужно. Он говорил: «При помощи этой штуки мы зарабатываем деньги. Если не хватает крючка то тут, то там, поймашь меньше». Он всегда был дотошен и обращал внимание на мелочи».

В Коста-Асуль Альваренга стремился попасть обратно в свою родную среду и стать членом местного клана рыбаков, которых в городке насчитывалось около сотни. Закрытая со всех сторон лагуна защищала лодки от свирепых сезонных ветров, прилетавших из Атлантики и Карибского моря. Но из-за прихотей рельефа местности, ее географических особенностей вся сила стихии обрушивалась именно на эту часть Тихоокеанского побережья Мексики. Эти шторма рождаются в Мексиканском заливе, поворачивают на юго-запад и направляются в ущелье, лежащее в горном массиве Сьерра-Мадре. Тесный проход, сужающийся бутылочным горлышком, подобен своего рода аэродинамической трубе, где скорость ветра увеличивается вдвое, а то и втрое. Другими словами, поток воздуха, идущий над Карибским морем со скоростью 20 миль в час, выходя из ущелья, превращается в ураган, достигающий 60 миль в час. Ученые называют это явление реактивным эффектом.

Ревущий поток ветра врывается в залив Теуантепек, расположенный недалеко от побережья, где стоит городок Коста-Асуль. Четыре года Альваренга рыбачил несколько южнее этого места – рядом с гватемальской границей, – однако был хорошо осведомлен о печальных последствиях этих ураганов. Сотни лодок и рыбаков бесследно сгинули в пучине. Ему не раз приходилось слышать леденящие кровь истории о том, как рыбаки попадали во власть штормов, называемых местными общим словом «Нортено». Дело в том, что северные ветра дуют настолько часто, что местные журналисты даже не делают различий между ними и не дают им названий, типа Катрина или Сэнди, а говорят просто: идет холодный фронт № 6 или холодный фронт № 26, рекомендуя рыбакам не покидать пределов порта.

ЭТОТ ВЕТЕР, ДУЮЩИЙ ИЗ УЩЕЛЬЯ СЬЕРРА-МАДРЕ, ПРИОБРЕЛ ТАКУЮ ПЕЧАЛЬНУЮ ИЗВЕСТНОСТЬ И ТАК ХОРОШО ОТМЕТИЛСЯ НА МОРСКИХ КАРТАХ, ЧТО ЛОЦМАНЫ, ПРОКЛАДЫВАЯ МАРШРУТ, ЧЕРТЯТ ОБХОДНОЙ ПОЛУКРУГ РАДИУСОМ НЕСКОЛЬКО СОТЕН МИЛЬ, лишь бы только избежать встречи судна со смертельными ураганами из Мексиканского залива. «В зимнее время года... штормит практически каждый день, а ветер дует со скоростью до 60 узлов (70–80 миль в час), что обычное дело в этих краях, – говорится в «Путеводителе по нехоженным дорогам», популярном сайте для путешественников. – Каждый год суда попадают в водоворот радиусом в 200 миль, и даже самые большие из них неспособны противостоять силе штормовых ветров и бушующим океанским волнам, сокрушающим все на своем пути. У капитанов не остается другого выбора, кроме как отдаться на волю стихии и, собравшись с духом, настроиться на долгое и не сулящее ничего хорошего плавание (дрейф) на юг, в открытое море на 200–300 миль, и ждать, пока сила теуантепекских ветров не начнет спадать».

Если и есть на свете место, где не стоит плавать по морю в утлой лодчонке, то это, конечно, залив Теуантепек. Но работу в Чьяпас найти трудно. Из-за неконтролируемого лова популяции рыб снизились в десять раз на всем побережье Мексики и Центральной Америки. Ценная рыба – вернее, та, что еще осталась в океане, – ушла подальше от берега в открытое море, поэтому рыбакам приходится плыть вслед за ней. Теперь, чтобы заполнить ящик со льдом уловом, приходится отплывать на 50, 75, а то и 100 миль от берегов Чьяпас. Только после пятичасового плавания по бурлящим волнам можно приглушить двигатель, забросить снасти, порой длиной более 2000 м, усеянные несколькими сотнями крючков, и надеяться, что тунец, марлин, корифена или акула соизволят клонуть на приманку. Самая предпочтительная добыча для ловца, его мечта – акула. В отличие от других стран, где ценятся одни лишь плавники, в Мексике стейк из акулы считается вполне традиционным блюдом и встречается в меню

всех местных ресторанов. Несмотря на все попытки ограничения лова, призванные сохранить многие виды морских обитателей, несмотря на свидетельства катастрофического снижения популяции опасного и жестокого морского хищника, в водах залива Теуантепек добываются каждый год тысячи тонн акульего мяса.

Стоит отметить, что за такое рискованное занятие рыбаки получают мизерную плату. Они всего лишь одно из звеньев в длинной цепи глобальной экономики. Так, одна порция тунца весом полфунта в ресторанах отелей Коста-Асуль стоит 25 долларов, в то время как выловившие эту рыбу люди получают всего лишь 40 центов за кусок указанного веса. Но если косяки рыбы ходят в море, а шестидесятичасовая смена может принести рыбаку 250 долларов наличными, нет предела рвению, и усердию, и безумию, которое разгорается на левом берегу залива, где стоит городок Коста-Асуль. Банда изгоев и отщепенцев общества, эти рыбаки связаны друг с другом своеобразным племенным родством и кодексом чести, а также общими инстинктами профессиональных охотников. Человек-волк (Вулфман) объясняет философию ловцов рыбы простыми и точными словами: «Нищета толкает человека на странные поступки. Бедняки готовы пойти на что угодно, лишь бы заработать на кусок хлеба. Если нет другой работы, кроме как ходить в море, какой еще у них остается выбор?»

Как и рыбакам других прибрежных деревень, разбросанных по разным уголкам света, **ЛОВЦАМ ИЗ ГОРОДКА КОСТА-АСУЛЬ СВЕТИТ ДАЛЕКО НЕ РАДУЖНАЯ ПЕРСПЕКТИВА: ЛИБО ОТКАЗАТЬСЯ ОТ ЛОВЛИ РЫБЫ, ЛИБО КАЖДЫЕ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ ПРИСПОСАБЛИВАТЬСЯ К ЖЕСТКИМ, МЕНЯЮЩИМСЯ РЕАЛИЯМ МИРА.** Из-за последствий неконтролируемого истребления морской фауны им приходится уплывать все дальше в океан в поисках добычи. Альваренга сделал выбор в пользу последнего. Он даже не считал лов рыбы рискованным и опасным занятием. Ему нравилось жить в лодке. В течение первых тридцати лет существования сухопутная жизнь имела для него столько же прелестей, сколько и приносила проблем. Некоторые из неприятностей чуть было не стоили ему жизни, о чем свидетельствовали глубокие рубцы, украшавшие голову и руки Сальвадора Альваренги.

Все это были последствия драки, которую отчасти он сам же и спровоцировал. Альваренга был пьян и решил побуяннить в тот вечер в одном из баров Сальвадора. Но что мог сделать один человек против четырех? Или расклад был двое против шестерых? Теперь уже и не вспомнить, но в любом случае у Альваренги не было никаких шансов выиграть тот неравный бой. К тому же его противники, не удовлетворившись мордобоем и опрокидыванием на пол, выволокли незадачливого буяна из заведения и несколько раз ударили ножом, после чего бросили истекающего кровью умирать на улице. Когда мать Альваренги прибежала в бар, она, едва увидев сына, принялась читать молитву и послала за священником, будучи уверена, что бедняга находится при смерти. Но Альваренга выжил. Более того, все это время он находился в сознании и даже пытался успокаивать мать. Держись, говорил он, ведь я еще не умер, я живой.

На теле Альваренги насчитали одиннадцать ножевых ран. Он получил сотрясение мозга и перелом трех ребер. Его воспоминания о тех знаменательных событиях были затуманены, так как он помнил только то, что пришел в себя уже в больничной палате весь в бинтах. На врачей произвела впечатление его живучесть. Через три недели, когда Альваренга вернулся в деревушку Грита-Пальмера, где находился его дом, ему пришлось столкнуться с новым потрясением. Пока он лежал в больнице, кто-то перерезал горло одному из участников драки, вспыхнувшей в баре в ту ночь. Похоже, что начиналась настоящая война, и Альваренга, по всей вероятности, был следующим кандидатом на тот свет. По числу насильственных смертей Сальвадор можно сравнить с Кабулом и Багдадом: здесь тоже постоянно слышится выстрелы и льется кровь. Альваренга слишком хорошо знал суть испанской пословицы «Маленький городок – большой ад» и опасался, что его убьют еще до того, как настанет Рождество. Друзья уговаривали его убраться подальше, обзывали глупцом, заставляя каждое утро в дверях собственного

дома. Альваренга попытался уладить все, находясь в городе, но угроза продолжала висеть над головой.

Итак, не оставалось другого выхода, кроме как податься в бега. Альваренга сбежал не только из города, но и вообще из страны. Он забирался все дальше и остановился только в Гватемале, где какое-то время прожил под чужим именем, после чего перебрался в Мексику. Он оставил за спиной всю свою жизнь, включая любимую девушку, родителей и годовалую дочь Фатиму. Он бежал до тех пор, пока не нашел пристанище на борту рыбацкой лодки. На земле Альваренга чувствовал себя не в своей тарелке, как будто бы твердая почва была для него лишь иллюзией вращающейся планеты. Его домом была лодка, раскачиваемая на волнах вдали от берега и обещающая своему владельцу обманчивое благополучие и безопасность. В море он чувствовал себя свободным.

* * *

Взбираясь вверх по социальной лестнице сообщества Коста-Асуль, первые четыре года Альваренга приноравливался к местным условиям. Не обошлось и без ссор, в результате которых он переходил от одного хозяина к другому в поисках идеального сочетания условий работы: степени независимости, объема наличности и приличного обращения. «Вот что я скажу, – говорит Харочо. – Я очень щепетилен, когда дело идет о безопасности моей семьи. Но я пригласил Альваренгу к себе в дом. Он сидел с нами за одним столом и спал в одной комнате. Почему? Парень выглядел и вел себя как приличный человек. Я выделил ему гамак и позволил жить у себя в бунгало». В конечном счете Альваренге была предоставлена привилегия, которой редко кто удостоивается из людей его рода-племени: сальвадорцу выделили личные апартаменты. Так он обзавелся собственным жилищем, небольшим домом в поселке Коста-Асуль.

В свое время многие местные дельцы, занятые в рыбороторговле, конкурировали друг с другом, переманивая ловкого сальвадорца к себе. Его постоянно соблазняли новыми предложениями, сулили новую лодку, новые снасти и двигатель, если тот сменит команду и порт дислокации. Альваренга, однако, вполне удовлетворялся своим текущим положением. Он достаточно зарабатывал, чтобы воплощать свои скромные фантазии, к тому же в отличие от его родного Сальвадора преступность в Мексике была сконцентрирована вокруг наркоторговли и смежных с нею занятий, к которым она протянула свои щупальца, а такие виды деятельности было легко распознать. **ТАК ЧТО ПОКА АЛЬВАРЕНГА ДЕРЖАЛСЯ В СТОРОНЕ ОТ ГНУСНОГО МИРА КОНТРАБАНДЫ, ОН МОГ РАССЧИТЫВАТЬ В КОСТА-АСУЛЬ НА СПОКОЙНУЮ ЖИЗНЬ, КАКАЯ И БЫЛА НУЖНА ЧЕЛОВЕКУ БЕЗ ИМЕНИ.**

Альваренга готов был работать настолько усердно и долго, насколько это позволял ему тот свободный образ жизни, что он вел. В течение первых четырех лет жизни в Коста-Асуль он редко встревал в драки и не ввязывался в другие безобразные инциденты. Его приятель Рэй, с которым они долгое время ходили вместе на лов рыбы в море, говорит: «Я никогда не видел, чтобы он с кем-нибудь затевал драку, за исключением случаев, когда какая-нибудь пьяная шпана начинала буяннить слишком сильно и принималась крушить мебель в местном ресторане у Доны Мины. Как-то раз вспыхнула потасовка с цепями и всем прочим, но Альваренга, судя по всему, знал, как себя вести в таких случаях. Причем он всегда был не прочь пошутить, не упускал случая рассказать анекдот и был настоящей душой компании».

Альваренга на собственной шкуре знал, чем может закончиться потасовка в баре. За десять лет он навидался немало случаев, когда его захмелевшие сотоварищи встревали в истории, доводящие их до тюрьмы. Свой и чужой опыт убедили сальвадорца в том, что будет куда безопаснее выпивать и общаться с несколькими проверенными друзьями, которым можно доверять, чем шататься по сомнительным, насквозь пропитанным парами текилы кабакам, в которых регулярно зависали рыбаки, набираясь в хлам и устраивая жестокие погромы с мор-

добоем и поножовщиной. Для Альваренги идеальный образ жизни был другим. После четырехдневной попойки он мог десять дней подряд выходить в море и ловить рыбу без усталости. А случалось, что было и наоборот. На этом этапе жизни похмелье не играло для него особой роли: Альваренга или опохмелялся, или же просто выезжал на двухдневный скоростной лов, во время которого хмель выходил, выдавливался из всех пор его организма вместе с потом. Несмотря на то что иногда приходилось проводить в океане по тридцать с лишним часов, он никогда не жаловался. Оптимизм и хороший настрой были его неотъемлемой чертой, торговой маркой. «Даже если весь его улов за несколько дней составлял одну-две рыбыны, что, несомненно, повергло бы в отчаяние многих рыбаков, Альваренга всегда вылезал из лодки на причал с улыбкой на лице, – говорит Беллармино Родригез Бейз, который был непосредственным начальником Сальвадора на берегу, бывшим коллегой и близким другом. – Даже если он вообще ничего не поймал, он напевал и шутил, пришвартовывая лодку к причалу, приговаривал: “Я выложился. Абсолютно точно”. Словно забыв о том, что жизнь полна опасностей и угроз, или же обладая иммунитетом против различных напастей и неприятностей, Альваренга жил в мире с другими и самим собой. Он принадлежал к той категории парней, которые, сев в автобус, тут же засыпают и начинают оглушительно храпеть к неудовольствию остальных пассажиров. Они не стесняются положить голову на плечо случайного соседа в кинотеатре или запросто растягиваются отдохнуть на траве в парке под первым деревом.

Скудное техническое оснащение и высокий риск делали профессию рыбака в Коста-Асуль сродни занятию игрока по-крупному: ставкой в обоих случаях была жизнь. Ни один здравомыслящий хозяин ни за что не отправит своего работника в море, если метеорологи предупреждают о приближающихся северных ветрах Нортено. Но в отличие от больших коммерческих портов, расположенных вдоль побережья Мексики, в Коста-Асуль нет портового инспектора, который бы обладал полномочиями запрещать выход в море в плохую погоду. Каждый прикидывал плюсы и минусы, расходы и доходы и волен был решать сам, оставаться на берегу или выходить в рейс. И каждый мог допустить ошибку. Альваренга, простой, но великодушный человек, едва умевший написать пару слов, помимо собственного имени, процветал и чувствовал себя вольготно в этом мире рыбаков, мало изменившемся со времен древности. Он умел находить красоту в простых вещах: длинная снасть с семью сотнями крючков, маленькая рыбацкая лодка, напарник – вот и все, что было ему нужно для счастья. Раскиданные по палубе предметы составляли суть его мира, были его неотъемлемыми элементами: набор различных ножей, ведра, канистры и прочие предметы утвари, залепанные кровью и рыбьей чешуей. Человек против вещей – это было в его стиле. **«ЕСЛИ ТЫ НАСТОЯЩИЙ РЫБАК, ТЫ ВЛЮБЛЯЕШЬСЯ В ОКЕАН СРАЗУ И ВСЕМ СЕРДЦЕМ,** – говорит Альваренга. – Есть такие рыбаки, которые ходят в море через день, но я не из их числа. Я отправляюсь на лов как можно чаще, если только хозяин не велит мне остаться на берегу. Это настоящая любовь, потому что океан дает тебе еду, снабжает деньгами, и постепенно плавать и ловить рыбу входит в привычку. Если ты любишь океан, ты любишь адреналин, энергию. Ты сражаешься с океаном, и он становится твоим врагом. Ты борешься и дерешься. Он может убить тебя, но ты отрицаешь смерть».

Альваренга рисковал жизнью всякий раз, когда отмахивался от штормовых предупреждений синоптиков и игнорировал советы остаться в порту, отправляясь вместо этого бороздить море в погоне за дополнительным дневным уловом. Он был уверен, что сможет перехитрить волны и ветер, и в конечном счете всегда возвращался домой с холодильником, полным до краев: тысяча фунтов свежей рыбы – свидетельство его смелости и сноровки. А когда его товарищи-рыбаки переворачивались, тонули или пропадали в море, Альваренга был одним из первых, кто добровольно отправлялся на их поиски, рискуя жизнью и здоровьем. Все эти поступки, его смелость, отвага, бескорыстие делали сальвадорца очень привлекательным в глазах многих местных красоток. Альваренга со смехом описывает, какой начинался кавардак,

если две его подружки случайно сталкивались у дверей его скромного жилища на берегу моря. «Мой тогдашний босс Мино связывался со мной по радио с берега и говорил: “Внимание, внимание! Предупреждаю: много красивых женщин рядом с твоим бунгалом”. Когда такое случилось, лучше было вообще не выходить на берег».

В четверг вечером 15 ноября 2012 года рыбакам выпал хороший повод для пирушки. В двух кофрах, обложенных льдом, лежали почти 200 кг свежей морской рыбы, добытой с самого дна океана: тунец, марлин, корифена, рыба-молот, лисья акула. Там, далеко в море, куда отваживались забираться только самые смелые рыбаки, клевало абсолютно все. Если продать добычу по рыночной цене 20 мексиканских песо за килограмм (примерно 70 центов за фунт), за вычетом 50 %, полагавшихся боссу, с учетом расходов на топливо, каждый получал на руки чистыми по 150 американских долларов. В местном ресторане, где ужин на двоих стоил четыре доллара, а комната в отеле у моря – семь, при таком раскладе каждый становился настоящим богачом.

Компанерос собрались вместе на закате, и вечеринка началась. Вместо трехдневного кутежа ребята были нацелены на пьянку среднего масштаба. Поскольку рыба клевала хорошо, большинство планировали кутить только до двух ночи, потом немного поспать и на следующее утро сразу после завтрака снова выйти в море. Синоптики предсказывали надвигающийся с севера шторм. Поднимался сухой, порывистый ветер, иногда достигающий силы урагана, но зато без дождя. Скорее всего, в следующие несколько дней погода переменится, и тогда можно будет кутить сколько душе угодно, пережидая холодный фронт.

Альваренга и его друзья нежились в гамаках, развешанных внутри бунгало, стоящего на пляже у самой лагуны. Двор перед хижиной был усеян мятыми жестянками из-под пива «Корона», пустыми бутылками из-под текилы и пластиковыми бутылками из-под кецаля – дешевого пойла из сброженного зерна. Из висящего под потолком сотового телефона доносилась мелодия в стиле регги, под которую несколько мужчин жаловались друг другу на постоянную нехватку одиноких молодых женщин в городке. Травы было куплено столько, что ее хватило бы, чтобы до бесчувствия обкуриться всему 61-му батальону национальной армии Мексики, который ввиду обострившейся войны против наркобаронов был передислоцирован в Чьяпас и в данное время перекрывал дорогу недалеко от Коста-Асуль. По рукам ходили две толстые самокрутки, которым позавидовал бы сам Джимми Клифф. Две тусклые лампы без абажура, висящие под потолком, раскачивались от легкого ночного бриза. Пробегающие по крыше игуаны шуршали и били хвостами. Ночные ястребы и совы охотились в темноте, в то время как большие крыланы кружили над пальмами в поисках фруктов. Гигантский крокодил по прозвищу Луни выбрался из логова на другой стороне лагуны, чтобы совершить свою обычную полуночную прогулку по темному заливу. В глазах хищной рептилии светились красные огоньки – отражения портовых огней. Разговор, ведущийся на своеобразном сленге мексиканских рыбаков, состоял из непристойностей и грязных шуток со скрытым смыслом. Альваренга был известен в кругу друзей под прозвищем Чанча – менее грубый вариант Пигги (Хрюшка): так сальвадорца прозвали из-за его прожорливости и всеядности. Мино, его непосредственный начальник, говорит, что Альваренга ел практически все, что падало на решетку барбекю. «Мы только что поджарили над огнем тунца, а он уже нарезал корифену, готовя новую порцию... Он ел и ел, но не толстел ни на грамм. Я сказал ему: “Чанча, у тебя, должно быть, черви в животе”. Другие полагают, что Альваренгу прозвали так из-за светлой кожи. В отличие от кофейного оттенка кожи большинства местных жителей в цвете кожи сальвадорца преобладали розовые тона, делаая его похожим на поросенка. Хотя ребята только что заглотили несколько тарелок обильного ужина, состоявшего из разных блюд, марихуана вызвала у них новый приступ зверского голода. По-дружески беззлобно рыбаки принялись донимать своего патрона Уилли, угваривая его заказать им еще несколько порций какой-нибудь еды. Уилли, тихий, спокойный человек, бросил на своих подопечных взгляд, каким старый, опытный учитель смотрит на рас-

шалившихся подростков, однако все же согласился отправить мальчишку-посыльного в ближайшее кафе.

Томясь в ожидании новой порции цыпленка-гриль и холодного пива, Альваренга не выдержал. Он встал и открыл холодильник, где хранилась наживка для завтрашней рыбалки. Рыбаки намеревались установить снасти с 2800 крючками, поэтому заранее запаслись несколькими сотнями фунтов сардин, на которую предполагалось ловить добычу. Но Чанчу мучил голод. «Пройдет тыща лет, пока этот мальчишка принесет еду», – сказал он, притопывая от нетерпения, и вытащил из морозильника сардину длиной в собственную руку. Рыбина тарасила мертвые, выпученные и покрытые изморозью глаза в застывшем навеки ледяном взгляде. После экспресс-заморозки в жидком азоте сардина была твердая, как камень. Альваренга потянулся к стопке, высотой сантиметров тридцать, сложенных друг на друга мексиканских лепешек тортилья, возвышавшейся посреди большого общего стола, за которым обычно обедали рыбаки. Положив рыбину сверху, он завернул ее в лепешку и, зная, что за ним наблюдают несколько пар глаз, одним махом откусил хвост и принялся жевать полумороженную сардину, энергично двигая челюстями. Его круглое лицо расплывалось в блаженной улыбке.

– У тебя будет расстройство желудка от сырой рыбы, – застонал Уилли.

– Она приготовится у меня внутри при помощи желудочного сока, – ответил Альваренга, доставая из морозильника вторую сардину.

Когда прибыл цыпленок, ребята расположились за столом и принялись уплетать его с преогромным аппетитом, запивая еду пивом, пыхтя от удовольствия и бросая пустые банки в лагуну. Опасность напиться до состояния невождения была минимальной: автомобиль был не у многих. К тому же в Коста-Асуль мало кто из рыбаков испытывал такую уж необходимость в машине. Их миром было море, их дорогой – весь Тихий океан, простирающийся от побережья Мексики. Если менее отважные рыбаки бороздили лагуну, довольствуясь охотой на луциана и камбалу, а ловцы креветок отходили на 12 миль от берега, чтобы проверить свои ловушки, глубоководники, эти морские мерзавцы, негодяи большой воды, направлялись прямо в открытое море, далеко от той границы, откуда был виден берег. Только когда они удалялись от суши на 50 или иногда даже 100 миль, они забрасывали снасти. Они называли себя «Лос Тибуронерос» – ловцы акул. Не важно, что чаще на их крючки попадался тунец или корифена, чем акула. Однако, наименовав себя так, они поддерживали незримую связь с самым опасным подводным хищником. В системе иерархии местных рыбаков ловцы акул считались элитой и имели репутацию людей, которые были немного не в себе. У ловцов акул был свой сленг, свои шутки, по всему телу у них можно было увидеть уродливые шрамы, а на руках у многих не хватало пальцев. Все это были последствия каждодневной жестокой рыбалки в глубоком море, производившейся с утлых суден. **ЛОВЦЫ АКУЛ ЗАРАБАТЫВАЛИ БОЛЬШЕ ВСЕХ. И УМИРАЛИ РАНЬШЕ ОСТАЛЬНЫХ.**

Глава 2

Буйное племя

16 ноября 2012 г.

Положение: устье реки

Координаты: 15° 34' 34.45 с. ш. – 93° 20' 04.81" з. д.

Сальвадор Альваренга проснулся на рассвете. Он вывалился из гамака и прямо в одних шортах, какие носят серферы, двинулся к пляжу. В четыре шага преодолел расстояние до того места, где заканчивались джунгли и начиналась лагуна. Единственными звуками, которые можно было услышать в этот ранний час, были лай бродячих собак в отдалении да щебет птиц в кронах пальм, покачивающих листьями, изорванными в клочья штормами. Оставляя на песке вмятины от босых ног, Альваренга, потирая искусно вытатуированный череп на плече, направился к своей рыбацкой лодке, еле видневшейся в предрассветной дымке на берегу.

Альваренга намеревался выдвинуться пораньше и проверить, все ли в порядке на судне. В Коста-Асуль всюду процветало воровство. Рыбаки таскали друг у друга оснащение и инвентарь – снимали ходовые винты, выкручивали свечи зажигания, а при случае даже могли утянуть и двигатель. Впрочем, чтобы открутить лодочный мотор ночью в вязком песке, даже двоим пришлось бы изрядно попотеть, поэтому воры обычно промышляли мелкими кражами. Хозяин лодки, на которой плавал Альваренга, одно время держал собаку. На ночь ее привязывали к колышку на пляже в надежде, что та будет стеречь имущество. Но затея не оправдалась: через месяц собаки и след простыл.

«Как-то ночью я услышал шум, выскочил наружу и увидел, что какое-то животное схватило пса и тянет его под воду. Было столько крика и визга, что хоть уши затыкай. Потом собака подлетела в воздух и пропала», – рассказывал Альваренга. Оказалось, что ночью на берег вылез крокодил и схватил четвероногого сторожа. Спасти животное не было никакой возможности. Было бы чистейшим безумием прыгать в кромешной тьме в лагуну и бороться в воде вслепую с трехметровым крокодилом. После этого случая Уилли не стал больше покупать сторожевых собак, а Альваренга перестал плавать на другой берег лагуны, да и вообще старался поменьше плескаться в заливе.

Осматривая лодку, Альваренга заметил, что ночью у него стащили якорь и цепь. Можно было догадаться, что приходили не просто воры, а коллеги-рыбаки, охотившиеся за необходимым оснащением, какие-нибудь новички, промышлявшие рыбалкой в прибрежных водах. Впрочем, Альваренгу не слишком расстроила пропажа якоря. Освободившееся место на палубе позволяло разместить дополнительные фляги с топливом, питьевой водой и кучу буйков размером с легковую машину. Их он мог пустить плавать на поверхности океана, когда начнет рыбачить днем. К тому же рыбалка будет вестись в глубоких водах, где до дна океана добрых сотни футов, поэтому от якоря там все равно не было бы никакой пользы.

Альваренга любил свою лодку. Бесхитростная конструкция без кабины или навеса, с корпусом из стекловолокна – обыкновенная длинная и узкая посудина в форме каноэ, которую многие в Мексике называют лодкой-бананкой. Она была создана специально для того, чтобы скользить по волнам подобно гигантской доске для серфинга. Управлять ею было легко, лодка реагировала на каждое движение кормчего и проворно лавировала среди бурных волн. На дне лежал ящик из стекловолокна размером с холодильник, устремив пустую пасть в небо, а крышка от него валялась рядом на песке. Несмотря на то что кофр был пуст, из него резко воняло тухлой рыбой. Этот ящик был мерилем финансового благополучия Альваренги. Если он забивал его рыбой доверху (а туда входило более 600 кг сырого товара), то мог жить на вырученные деньги целую неделю, не особенно тратясь, экономя и урезая расходы. **ОДНАКО**

АЛЬВАРЕНГА БЫЛ НЕ ТЕМ ЧЕЛОВЕКОМ, КОТОРОГО БЫ УДОВЛЕТВОРИЛО ТАКОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ. ОН НАСЛАЖДАЛСЯ ВСЕМ, ЧТО ПРИНОСИЛ ЕМУ НОВЫЙ ДЕНЬ, И СТАРАЛСЯ ЖИТЬ НА ПОЛНУЮ КАТУШКУ. Устраивал пирушки в разных забегаловках, угощая друзей блюдами из даров моря, пил пиво до рассвета, встречался одновременно с тремя женщинами и охотно оплачивал счета своих братьев по профессии после ночных кутежей в местных ресторанах.

Если рыба не клевала или же штормило так, что нельзя было выйти в море, он отправлялся в лес на охоту. Вооружившись позаимствованной у друга винтовкой или же просто самодельной рогаткой, Альваренга неделями мог выслеживать зверя в горах, лежащих в глубине материка сразу за мангровыми джунглями, окаймлявшими побережье. На природе, вдали от шумного общества, живя в палатке в компании одного или двух верных друзей, Альваренга наслаждался желанной передышкой от суеты и шума, лакомился мясом, которое здесь можно было добывать в больших количествах. Енот, опоссум, коати, игуана, дикая птица – все это было заслуженной добычей, отнятой человеком в честной схватке у природы, способной удовлетворить его ненасытную утробу, требовавшую больших объемов пищи каждый день. У Альваренги не было ни холодильника, ни кладовой для съестных припасов. Еда у него не хранилась. Он убивал и тут же съедал добычу. К условиям жизни он был неприспособлен. Рыбачий кооператив «Береговые креветководы» оплачивал аренду дома и коммунальные расходы. Медицинской страховки у него не было, но Альваренга знал, что если вдруг получит какую-нибудь травму, то коллеги-рыбаки подштопают его, а если рана окажется достаточно серьезной – доставят в ближайшую больницу. Местные врачи поднатерели в умении пришивать отрезанные пальцы или сводить концы истерзанной рыболовными крючками плоти. Несчастные случаи на море были обычным делом, но до тех пор, пока команда оставалась рядом с лодкой, все ее члены благополучно выживали. Если же лодка тонула, дело завершали акулы.

Лодка Альваренги длиной 7,5 м равнялась двум пикапам, а в ширину – одному такому грузовику. Не имея каких-либо надстроек, стекол и ламп, она была практически невидима в море. При осадке менее 60 см и с мотором, закрепленным на корме и работающим на полную мощность, лодка задирала нос так высоко, что на треть висела в воздухе и могла мчаться, пронзая и разрезая волны, или лавировать в извилистых протоках мангровых лесов. Полиция часто останавливает такие лодки в открытом океане, подозревая, что их капитаны переправляют на север наркотики или перевозят иммигрантов. И тот и другой вид деятельности на этом клочке суши, где царят беспредел и беззаконие, являются такими же традиционными занятиями для местного населения, как и рыбалка. Остановив судно, полиция приказывает команде задрать майки, прощупывает животы рыбаков, проверяя, не перевозят ли они в своих желудках шарики с кокаином. Обычно рыбаки, к удивлению полицейских и морских инспекторов, подчиняются приказам служителей закона и даже по своей инициативе разрезают пойманную рыбу в доказательство того, что она не начинена белым порошком. Если же блюстители порядка натываются на контрабандистов, те направляют свои суда на мелководье, где им почти всегда удается уйти от погони. В худшем случае перевозчики незаконного товара заводят лодку в густые заросли мангровых деревьев, бросают ее там и скрываются в дебрях непроходимых джунглей. Груз, будь то пакеты с кокаином или группа иммигрантов, бросается там же. В мангровых лесах беглецов ждут полчища змей, таких как смертельно ядовитая и крайне агрессивная кайсака или прыгающая гадюка. Благодаря своей окраске рептилии сливаются с окружающей средой, рисунок их кожи имитирует бурые опавшие листья, усеянные пятнами, которые покрывают землю плотным слоем. Гадюки агрессивны и нападают без колебания, почувствовав малейшую опасность и приближение хищника. Укус такой змеи может оказаться смертельным, но контрабандисты сознательно и не раздумывая идут на этот риск, зная, что полиция вряд ли будет преследовать их в мангровых лесах. Представители власти действительно чаще всего даже не сходят на берег, довольствуясь захватом подозрительной лодки и находящегося в ней товара. Отбук-

сировав судно в ближайший порт, они оставляют его там до прихода хозяина, подобно тому, как неправильно припаркованные машины отгоняются на штрафстоянку до уплаты пошлины.

АЛЬВАРЕНГА ЛЮБИЛ ПОВЕСЕЛИТЬСЯ И ПОКУТИТЬ В ХОРОШЕЙ КОМПАНИИ, ОДНАКО НЕ МЕНЬШУЮ ЛЮБОВЬ ОН ПИТАЛ И К ТЯЖЕЛЫМ ТРУДОВЫМ БУДНЯМ, ЧАСТО БЫВАЯ В РЕЙСАХ, ПРОДОЛЖАВШИХСЯ ДО ТРЕХ ДНЕЙ. Он был удачливым рыбаком, и зачастую в его лодке оказывалось на 200 кг «товара» больше, чем у других. В такие дни, когда рыба клевала хорошо, Альваренга был уверен, что выловит столько же и заработает такую же сумму. Он твердо намеревался выдвинуться как можно раньше. Вчера вечером он практически не потратил ни песо, так что в кармане у него лежали примерно все те же 150 американских долларов. Однако денег, как известно, никогда не бывает много. За одну ночь, если вечеринка особенно задавалась, он мог потратить все, что заработал за день, или даже больше, на пиво для своих друзей, на еду для любимой девушки и текилу для всех посетителей бара.

Альваренга хотел отправиться в путь в десять утра и рыбачить вплоть до четырех часов вечера следующего дня. Готовясь к тридцатичасовой рабочей смене, включавшей также и ночевку в море, Альваренга взял серое пятигаллонное ведро и начал укладывать туда вещи: тщательно завернутое в кусок ткани зеркальце, бритву, зубную щетку, две смены белья. Даже находясь в открытом море, потроша рыбу, отрубая головы пойманным тунцам, перемазанный с ног до головы густой акульей кровью, Альваренга не забывал бриться, чистил зубы два раза в день и смотрелся в зеркальце, проверяя, выглядит ли он по-прежнему как более-менее цивилизованный человек. При такой работе он мог позволить себе вести весьма своеобразную жизнь: грязную рабочую одежду он бросал в угол, надевал ее при надобности снова и снова, ни разу не стирая и не чистя. Когда все предметы его незамысловатого гардероба заляпывались кровью или ветшали до такой степени, что их нельзя уже было носить, он просто выбрасывал пришедшие в негодность вещи, покупал новый комплект дешевого белья, и весь цикл начинался заново. Но когда Альваренга отправлялся в город на очередную пирушку, он тщательно расчесывался, брился, сбрызгивал себя одеколоном и начищал ботинки, чтобы выглядеть на все сто.

Альваренга и его напарник готовились к рейсу со всей тщательностью. Во всех их движениях сквозила уверенность людей, продельвавших эту операцию уже много раз и выполнявших все действия на автомате. Среди прибрежных рыбаков отношения между капитаном и его помощником построены по принципу армейской дисциплины: на уважении старшего по званию. Капитан Альваренга, располагавшийся на корме, отвечал за работу двигателя и правил судном, в то время как его помощник, худой парень по имени Рэй Перес двадцати с небольшим лет, был занят устранением технических проблем в лодке, устанавливал снасти и раскладывал все оснащение в должном порядке. На берегу Рэй был неуправляемым, не признающим никаких законов сорвиголовы и имел неприятности как со многими рыбаками, так и с полицией, но в море он был верным и послушным компаньоном и неустанным работником. Двое партнеров проводили лучшие часы своей жизни в лодке, оглашая окрестности диким хохотом. На загрузку ушло два часа. Вес оборудования, положенного на дно лодки, исчислялся сотнями килограммов: 260 л бензина, 60 л воды, 100 фунтов сардин для приманки, 700 крючков, тысячеметровая снасть, гарпун, три ножа, три ведра для вычерпывания воды, сотовый телефон, завернутый в целлофан, навигационный прибор GPS (впрочем, не водостойкий), рация с наполовину заряженными аккумуляторами, несколько гаечных ключей для починки мотора и 200 фунтов льда. Поверх огромной горы сложенных снастей высилась кипа пустых фляг из-под извести и моющего средства – голубых, белых и розовых контейнеров, вносивших свою лепту в создание калейдоскопа цветов, карнавальная атмосфера хаоса, царящего на судне. Самыми тяжелыми были контейнеры с бензином, после укладки которых лодка осела на 20 дюймов. Передняя скамья была светлее других частей лодки, что свидетельствовало о том, что

ее недавно ремонтировали: следы эпоксидной смолы указывали на то, что укрепления треснувшей стойки чинили.

Самым объемным предметом в лодке был контейнер для льда со съемной крышкой длиной полтора метра и высотой метр двадцать. Наполненный доверху льдом и рыбой, он был настолько тяжелым, что в принципе мог перевернуть судно, если его начать ворочать и передвигать в море. Основным требованием было расположить кофр точно по центру лодки. Альваренга пользовался самым большим контейнером, какой только можно было найти. Это доказывало его статус заносчивого мачо и одновременно уверенность в том, что он обладает достаточным талантом и умением, чтобы набить кофр такого объема до самых краев.

Вдоль берега, подобно грузовикам у погрузочного дока, выстроились в ряд еще десяток таких же лодок, готовящихся к отплытию. Вокруг них царила суматоха, предшествующая началу любой работы, когда все делается в последнюю минуту. Когда они отчалили, Альваренга перевел мотор на реверс и стал отплывать от берега. Развернув лодку, он направил ее к грубому волнорезу, туда, где воды эстуария встречались с водами Тихого океана. Выход из лагуны требовал сложных маневров, поскольку кормчему приходилось лавировать между песчаных отмелей и бурных волн. Несколько рыбаков погибло у волнореза, а полугодом раньше Альваренга сам сидел в лодке (хоть и не у руля), когда на нее накатила волна. Судно перевернулось, и сальвадорец чуть было не утонул под горой обрушившегося на него снаряжения, барахтаясь в булящих волнах.

Через пять минут флотилия рыбацких лодок вышла в открытый океан, после чего капитаны приглушили двигатели и перевели их на холостой ход. Лодки собрались вместе и встали борт к борту. Как у погонщиков фургонов, пересекавших пустыню, у путешественников по морю тоже был свой ритуал, предшествующий рейсу: они собирались вместе на прощальный перекур, прежде чем каждый пойдет своей дорогой. Для рыбаков такой ритуал был нечто средним между беседой пожилых кумушек в воскресный день у здания муниципалитета и обменом сплетнями офисных работников, встретившихся у кулера. Поскольку травку любили все и они не попадали ни в чье поле зрения, мужчины курили одну самокрутку за другой. **НИКТО НЕ ПОМНИТ, ОТКУДА ПОШЛА ЭТА ТРАДИЦИЯ ПЕРЕКУРА НА ПОСОШОК, НО СЕЙЧАС ОНА ЗАКРЕПИЛАСЬ В ОБЫЧАЯХ НАРОДА ЧЬЯПАС.** Скорее всего, такой ритуал был наследием традиции пятидесятилетней давности, доставшимся современным мореходам от мексиканских рыбаков-контрабандистов, перевозивших тонны марихуаны на север, к берегам Соединенных Штатов, чтобы выгодно сбыть ее на тамошнем рынке. Рыбаки затягивались, шутили, а ругань просто лилась рекой, и волны безудержного хохота перекидывались от одной лодки к другой.

Сделав последнюю затяжку, Альваренга попрощался с товарищами, завел мотор и направил лодку на запад, в открытый океан. Сверяясь с показаниями навигационного прибора, он двигался к тому самому месту, где они с Рэем наловили накануне так много рыбы. Путь туда занял шесть часов. Альваренга выключил мотор, когда они оказались в самом центре залива Теуантепек. Следующие два часа партнеры были заняты тем, что насаживали приманку на крючки, вытравляли снасти и устанавливали их на воде с буйками. К семи часам вечера ловцы закинули снасть длиной более двух тысяч метров и растянули ее позади лодки. Наступила ночь. Звезды сверкали ярко, с северо-востока дул сильный, но приятный порывистый ветер. Альваренга и Рэй выкурили несколько самокруток марихуаны. Они посмеялись, вспоминая приключившуюся с ними недавно историю с мотором. Четыре дня назад у них заглох двигатель. Их лодку отбуксировала к берегу группа рыбаков, по чистой случайности оказавшаяся в этом районе и принявшая сигнал SOS, который Альваренга посылал по второму каналу – частотный диапазон, используемый рыбаками залива Теуантепек для экстренной связи. Никто из ходящих по морю не опасался попасть в беду. Товарищи всегда были рядом. «Мы прошли вместе через много штормов и бурь, – рассказывает Рэй. – Когда волны начинали бросать нашу

лодку из стороны в сторону, капитан говорил мне: “Иди вздремни чуток. Одеяло дать?” А я спрашивал: “А как же волны?” А он мне: “Да не обращай внимания”».

Горя желанием проверить, не поймалось ли чего на крючки, в десять вечера партнеры проехали вдоль буйков. Они сразу же поняли, что лов удался. Прямо под ними в метре от поверхности в снастях металась большая рыба-молот, пытаясь освободиться от крючка, вонзившегося ей в рот. Они подождали до двух утра, а потом Рэй стал выбирать трос. Он подтянул рыбу-молот к борту лодки, где уже поджидал Альваренга с гарпуном. Он подцепил добычу, не давая ей уйти, а Рэй саданул по голове морской гадины самодельной деревянной дубинкой. Когда рыбаки имели дело с тунцом или акулой, они всегда старались умертвить их еще в воде. Другие для этой цели использовали самодельный шокер «Тазер» – незамысловатый прибор, состоящий из автомобильного аккумулятора и двух проводов с клеммами на концах, которые можно было приложить к голове рыбы и нанести ей смертельный удар током. Как и в случае с убоем коров и цыплят, все жестокие сцены были скрыты от глаз потребителей, которые никогда не видели да и представить себе не могли, что происходило до того, как они бросали в супермаркетную тележку банку консервированного тунца или же заказывали в ресторане свежий стейк корифены. Для Альваренги и Рэя было важно убить всякую рыбу, прежде чем затаскивать ее в лодку. Ведь живая акула могла легко откусить рыбаку пальцы на руке или же выдрать кусок мяса из тела. В особенности приходилось быть очень осторожными, имея дело с марлином (рыбой-меч): своим острым носом-клювом она могла нанести серьезные увечья.

Рэй выбирал снасть на протяжении двух часов. Это была тяжелая работа, требующая развитых мышц плеча и предплечья. И снова им улыбнулась удача – добычи было много: корифена, рыба-молот, лисья акула, рыба-парусник. Все это богатство заполнило кофр со льдом доверху, а это значит, у рыбаков теперь было 500 кг свежего товара. Всего лишь за один заброс снасти они наполнили кофр со льдом почти до краев, поэтому идти на второй заход смысла не было. Оставалось только возвращаться. Через пять часов они будут дома. Затем – быстро принять душ, переодеться, поесть, закинуть в лодку новый запас горючего и воды и снова отправиться в рейс. Еще один, последний. Таким образом, две тридцатичасовые смены составят шестьдесят часов почти непрерывной работы. Если все пойдет хорошо, они совершат еще один рейс, а если и в третий раз привезут столько, то это можно будет считать необычайной удачей.

Пока ехали обратно, оба пребывали в состоянии полусна, так как на протяжении последних нескольких дней им удавалось поспать лишь урывками. Оба были не прочь выкурить косячок-другой, но травка вся вышла. Впрочем, вскоре на берегу можно будет восполнить запасы и этого ресурса. Воодушевленные удачей и опьяненные победой Рэй и Альваренга решили сказать своему боссу, чтобы тот пока не расплачивался с ними. Подобно игрокам в покер, они хотели поднакопить, отыграть все что можно в следующем заходе и уже потом забрать весь выигрыш сразу. Если они получают по триста долларов на брата, то с такими деньгами можно будет заткатить двухдневную вечеринку с горами марихуаны, морем текилы и пивными реками. Оба ни капли не сомневались, что смогут потратить все деньги за одну ночь. Из всех удовольствий на свете Альваренга больше всего предпочитал еду, особенно лакомства из креветок, подававшиеся на блюде размером с автомобильное колесо. Он мог заткатить банкет и сожрать все, что заказал, сам или же вместе с друзьями. Он часто угощал приятелей-рыбаков обедом, а местный банк всегда был готов предоставить ему кредит в случае чего.

Когда они причалили к берегу, Рэй сделал неожиданное заявление. «Мне, – сказал он, – нужно прямо сейчас отправиться в город, чтобы отмотаться в местной тюрьме и подписать кое-какие бумаги». (Он был выпущен под залог за вооруженное ограбление и теперь должен был регулярно приходить в полицию.) У Рэя все время чесались пальцы, и он постоянно тянул все, что плохо лежало, поэтому опасность загреметь за решетку постоянно нависала над парнем. За поясом под рубашкой у него всегда был заткнут пистолет, а в патроннике находилась пуля 22-го калибра, о чем – он был уверен в этом – все в поселке знали.

РЭЙ ПОПЫТАЛСЯ ПРЕДСТАВИТЬ СВОЮ ЗАДЕРЖКУ В ВЫГОДНОМ СВЕТЕ. ОН НАПОМНИЛ АЛЬВАРЕНГЕ, КОТОРЫЙ НИКОГДА НЕ ИМЕЛ НЕПРИЯТНОСТЕЙ С ЗАКОНОМ, ЧТО КАЖДЫЙ ПОХОД В ТЮРЬМУ ВОЗВРАЩАЕТ ЕМУ ЧАСТЬ ДЕНЕГ ОТ ЗАЛОГА. «У нас будет больше веселых песо на пирушку», – сказал он, когда напарники готовили лодку к следующему рейсу. «Я просил его, чтобы он меня подождал, – говорит Рэй. – Я положил в лодку что нужно – лед, наживку, все остальное – и отправился в суд. Мы точно знали место хорошего клева, да и момент для ловли был замечательный». Когда Рэй временно выбыл из игры, Альваренга забеспокоился. Он сомневался, удастся ли его постоянному напарнику вернуться хотя бы до полудня, и на всякий случай стал искать временную замену. Альваренга прошелся по пляжу, где обычно собирались поденные рабочие. Десятки празднующихся людей бродили по берегу лагуны с парой бутербродов за пазухой, пакетом со сменной одеждой и любимым ножом за поясом. Все они искали поденную работу по ставке 50 долларов наличными за день, которые получали по возвращении на берег.

Альваренга даже нашел одного молодого парня, который согласился поехать с ним: его друг Вулфман постоянно тренировал новичков, и на него всегда можно было рассчитывать при поисках напарника, когда кому-нибудь срочно требовался человек в команду. Вулфман подыскал для Альваренги Иезикиля Кордобу, двадцатидвухлетнего парня по кличке Пината (Неспокойный), который жил на другой стороне лагуны, где был известен как звезда местной футбольной команды. Альваренга и Кордоба виделись мельком несколько раз на футбольном поле, но ни разу не говорили и тем более не работали вместе. Альваренга подозревал, что молодой футболист был совершенно неподходящей кандидатурой. Парень привык к спокойным водам лагуны и ходил в море меньше двух лет. Альваренга знал обо всех проблемах, с которыми ему придется столкнуться, выходя в рейс с новичком. Многие одно время просили его взять их с собой на лов, но большую часть времени такие напарники проводили, лежа пластом на дне лодки и страдая от морской болезни, умоляя при этом поскорее вернуться на берег. Однако время поджимало. Несмотря на то что в первый раз Альваренга отверг спортсмена, в конце концов он уступил уговорам Кордобы и, велев ему подождать у причала, отправился домой обедать.

Длинный деревянный стол, выкрашенный в голубой цвет и расположенный под навесом из листового железа, назывался кафе, хотя здесь не было ни стен, ни окон. По сути это был местный паб для рыбаков, где они ели, пили и делились друг с другом последними сплетнями. На завтрак тут подавали не чай с круассанами, а гору жареной фасоли с яйцами и луком, посыпанную перцем и политую соусом халапеньо. Альваренга пил кофе и слушал краем уха разговоры о надвигающемся шторме. Предупреждение о северных бурях, спускающихся на залив Теуантепек, не слишком сильно повлияло на настроение рыбаков. Как и Альваренга, большинство из них прислушивались к другим аргументам, перевешивающим все предостережения: в море ходят косяки тунца, стаи акул, а на процветающем рыбном рынке в Мехико каждый день с 2:30 утра начинают продавать, покупать и отгружать дары моря на миллионы долларов.

«Я собираюсь в море с новым напарником, но вернусь точно к началу веселья», – сообщил Альваренга своему начальнику Мино за завтраком в кафе. Сальвадорцу напомнили, что он должен принести еду для завтрашней вечеринки. Не забывай, сказали ему, что на твоей совести покупка пятнадцати жареных цыплят для пирушки в честь дня рождения Доны Мины – местной шеф-поварихи, которая была крестной матерью многих рыбаков городка Коста-Асуль.

– Ребята, надвигается буря, – напомнил Уилли, владелец нескольких лодок, хотя по опыту знал: ни напоминание об урагане, ни тяжелое похмелье не были настолько серьезными причинами, чтобы отговорить Альваренгу и многих других, подобных ему, от выхода в море.

Альваренгу больше беспокоила невеселая перспектива выйти в рейс без привычной горсти лимонов и соли, необходимых для приготовления севиче. «Я всегда брал с собой еды с запасом на случай, если нам придется задержаться еще на день. Ну, если вдруг мы потеряемся или же шторм унесет нас бог знает куда. Надо быть ко всему готовым, когда плаваешь на большие расстояния. Я привык находиться в лодке дольше, чем все остальные. Многие, не поймав ничего приличного, обычно возвращались домой с пустым кофром, но только не я. Я оставался, закидывал снасти снова и снова, пробовал забрасывать крючки в другом месте».

У ловцов акул не так уж много возможностей для приготовления пищи в рейсе. Они не могут побаловать себя разнообразием блюд, находясь в открытом океане. В лодке нет ни плиты, ни духовки, а разведение огня сопряжено с множеством опасностей. Альваренга подготовился к ночному рейсу, велел местному повару зажарить для него говяжью печень. Он принес достаточно жареного мяса, чтобы можно было впоследствии заворачивать его в лепешки и есть. На борту в открытом море он пользовался скамьей как разделочной доской, шинкуя на ней кинзу, лук и помидоры. Последние считались наиболее ценным лакомством и поедались задолго до того, как подходило время обеда. Для того чтобы устроить пир, Альваренге требовались всего лишь свежее мясо тунца, острый нож и немного соленой воды. А поскольку он прикидывал, что шторм может задержать его в море и заставит провести в рейсе на день больше, он захватил еще один пакет с лимонами. Он также отдал 200 песо (17 долларов) за две охапки марихуаны (ему достались головки конопли) размером с кулак. Такой ритуал совершался перед каждым рейсом. В море, особенно ночью, в ожидании, пока на крючок клюнет акула, тунец и корифена, он курил одну толстую самокрутку за другой, глядя на усыпанное звездами темное небо.

18 ноября 2012 г.

1-й день плавания

Солидарные в своем пренебрежительном отношении ко всем прогнозам погоды на свете, рыбаки вышли в море. Десять лодок направились навстречу бурлящим водам, туда, где дельта Коста-Асуль содрогается от натиска волн Тихого океана. Рыбаки пригибались, когда под напором ветра набегала очередная волна. С гребней валов слетала пена и неслась по воздуху, будто снег. Весь трюк плавания в таких условиях состоял в том, чтобы двигаться рывками, увеличивая скорость в коротком промежутке времени между двумя волнами. В промокшей насквозь одежде и полуслепой от соли, разъедающей глаза, Сальвадор Альваренга правил левой рукой, а правой держался за шест, чтобы не свалиться за борт. Через день или два он будет плыть обратно к берегу с богатым уловом рыбы в кофре. Он сдаст товар боссу и заберет свою зарплату за последние несколько дней. «Я любил деньги, – признает Альваренга. – Но никто не смог бы назвать меня мошенником. Когда люди видели меня навеселе с красивой женщиной в обнимку, они, по крайней мере, знали, через что я прошел, чтобы добыть эти деньги. Я держал голову высоко, где бы ни находился».

На голове Альваренги была балаклава – лыжная шапка с прорезанными отверстиями для глаз и носа. «Настоящий террорист», – шутили рыбаки. Но все дело в том, что на открытом солнце отважный сальвадорец мог получить ужасные ожоги. Кожа у Альваренги была не медно-смуглого оттенка, как у местных, а очень светлой, почти белой. К тому же он не был рожден под тропическим солнцем. Появившись на свет в деревушке в горах Испании, Альваренга был привычен к холодной снежной погоде, а не к палящим лучам, способным менее чем за три часа сжечь кожу до волдырей.

Альваренга обозревал просторы беспокойного океана и шел курсом 280 (запад/северо-запад). Портативный передатчик в ведре пищал не переставая, но Альваренга никогда не обращал на него внимания: обычно он лежал под горой одежды. Многие рыбаки трещат по радио без умолку, подобно дальнобойщикам, переговаривающимся друг с другом по общественному диапазону, но для Альваренги жизнь в море означала уединение и обрыв всех связей с бере-

гом. Он мог провести два дня в море, не сделав ни единого звонка на сушу, полностью уходя от взбалмошной и неинтересной рутинной жизни.

По мере того как он продвигался по морю, полоса прибоя и горы на побережье все больше отдалялись к горизонту. Альваренга был спокоен и расслаблен. Он и не догадывался, что направляется на запад с примерно той же самой скоростью, с какой с северо-востока идет широкий фронт ветров – сильный ураган Нортено, незаметно набирающий силу и надвигающийся на Коста-Асуль. **БУРЯ ПОКА ЧТО БУШЕВАЛА ЗА ГОРАМИ, НО ВОТ-ВОТ ДОЛЖНА БЫЛА ПОЯВИТЬСЯ, ЧТОБЫ ПОКАЗАТЬ ЛЮДЯМ ВЕСЬ СВОЙ УЖАСНЫЙ ПРАВ ВО ВСЕМ ЕГО НЕПРИГЛЯДНОМ ВЕЛИКОЛЕПИИ.** Если бы Альваренга остался на берегу до обеда, он бы заметил примечательную деталь: хотя небо и оставалось ясно-голубым, с северо-востока наступали серые тучи, как будто нарисованные мазками кисти художника-импрессиониста, скромные предвестники наступающего урагана, которые все же пока еще не вызывали ни у кого опасений, не заставили никого забить тревогу. А ведь старые рыбаки отслеживают изменения в погоде и могут предсказать бурю еще за несколько часов до того, как на земле станут ощущаться первые признаки катаклизма. Шторм, который нагонял Альваренгу, теперь отмечают на метеорологических картах под названием «Холодный фронт № 11». Он уже свирепствовал на земле, но пока что не добрался до моря, и ему требовалось время, чтобы нагнать находящихся в рейсе рыбаков.

Альваренга больше, чем многие другие, представлял себе всю опасность морских бурь и штормов. Однако вместе с тем он испытывал и душевный подъем: он только что выловил полтонны рыбы, а океане было еще полно добычи. Он ожидал штормов в это время года – ноябрь всегда был беспокойным месяцем. Вся хитрость состояла в том, объяснял он Кордобе, чтобы научиться понимать ветер, волны и тучи. Одного лишь взгляда на небо и поверхность океана для него было достаточно, чтобы прикинуть, насколько серьезным будет надвигающийся шторм. В этот раз чувствовалось, что буря будет неслабой. Альваренга ощущал мощь налетающих порывов, по мере того как клубы туч сгущались над вершинами гор на востоке. Но он не боялся трудностей. **РЫБАК ПРИНЯЛ ВЫЗОВ СТИХИИ И НЕ ХОТЕЛ МЕНЯТЬ СВОИ ПЛАНЫ.** Если бы у него был телефон с доступом в Интернет и если бы он заглянул на один из сайтов с прогнозом погоды, он бы пересмотрел свое мнение и изменил планы. Но поскольку явных предупреждений об опасности не было, двое рыбаков заняли в лодке места, соответствующие их рангу: Альваренга – у штурвала, Кордоба – на носу, лежа ничком, как этакая морская фигура над водорезом корабля. Он был занят высматриванием плавучего мусора, который бы мог повредить или перевернуть лодку. Кокосовые орехи, почти невидимые в бурлящих волнах, производили резкий звук «Бах!», ударяясь о борт. Впрочем, они не представляли опасности. Хуже было бы, если бы лодка наткнулась на ствол дерева, который мог заклинить винт и заставить судно кувыркаться. Панцирь морской черепахи также мог повредить винт, а брошенные рыбацкие сети вообще могли вывести двигатель из строя.

Путешествие в рыбные места залива Теуантепек требовало пяти часов неустанного наблюдения, но уже через час после отправления из порта Кордоба в бессилии повалился на дно лодки. Его ужасно тошнило. Ему было страшно и очень хотелось домой. Он подписался на день работы в море, а не на то, чтобы над ним издевались, заявил парень. Желудок бедняги выворачивался наизнанку, язык никак не мог успокоиться во рту. Глаза Кордобы закатывались каждый раз, когда набегала очередная волна. Тошнота длилась лишь до тех пор, пока в желудке хоть что-то оставалось. Затем у Кордобы начались сухие рвотные спазмы. При отсутствии смазки горло в таких случаях начинает гореть, как в огне. «Новички всегда блюют и хватаются за перила. У них кружится голова, и они не знают, что делать. Да они ничего и не могут с этим поделать, – говорит Ла Вака, коллега-рыбак. – Я предупреждал Иезекиля, чтобы он не ходил так далеко в море в тот день, ведь шторм был и в самом деле силен. Лично я не стал рисковать».

Двадцать лет на море в маленькой лодке научили Альваренгу понимать океан и предсказывать ритм волн. «Чтобы быть хорошим рыбаком, у тебя должна варить голова. Ты должен знать, как бороться с морем, как взять у него рыбу. Я мог посмотреть на воду, увидеть определенный оттенок зеленого и понять, что здесь мы найдем много добычи. Также полезно бывает понаблюдать за поведением птиц. Часто можно увидеть, как они ловят рыбу в местах ее скопления».

Новичок не продержится и пяти минут без того, чтобы не перевернуть лодку даже при высоте волны в 2,5 м. Альваренга же едва их замечал. Как опытный мореход он одновременно замечал и расшифровывал малейшие знаки, которые видел в каждой волне. Постоянно регулируя положение дросселя и выворачивая румпель, он прокладывал путь через бурные валы. Когда волна накрывала их, Кордобу сбивало с ног, ударяя о дно лодки. Альваренга заметил, что тот должен быть более внимательным. Они теперь шли, прокладывая курс, лежащий параллельно волнам, что делало их уязвимыми к удару в правый борт: из-за него лодка могла перевернуться. Когда волна ударяла в борт, Альваренга поддавал газу, вводил лодку в крутой 360-градусный штопор и снова устанавливал нужный угол атаки.

Других лодок на горизонте не наблюдалось. По крайней мере, в пределах видимости, на расстоянии немногим более полумили, не было видно ни одной. Дождя не было, но поднимаемая ветром водяная пыль попадала глаза. «Штормило, и я велел Кордобе держаться крепче, – говорил Альваренга. – Мы плыли по волнам. Они были не очень высокими, но нас все равно постоянно подбрасывало над водой, а потом резко кидало вниз». Альваренга знал, что надвигается грозный ураган Нортено. «Признаки приближающейся бури были настолько очевидными, что ее можно было почуять. **Я ЧУВСТВОВАЛ ШТОРМ ВСЕМ СВОИМ ОРГАНИЗМОМ, НО НЕЧТО ПОДОБНОЕ ПРОИСХОДИЛО УЖЕ МНОГО РАЗ И ДО ЭТОГО**». Характерной особенностью этих прибрежных штормов был яростный ветер, который мог дуть несколько дней кряду, но с неба почти не капало. Альваренга вспоминает ревущий ветер без дождя и разбросанные по небу тучи: «День был прекрасный. Было солнечно и жарко».

По мере того как рыбаки продвигались все дальше в море, ветер усилился с 20 миль до 30 миль в час. До урагана первой категории, при котором потоки воздуха достигают скорости 72 миль в час, было еще далеко, но даже этого было достаточно, чтобы напугать молодого Кордобу до смерти. «Ветер свистит. Волны ходят туда-сюда, разбиваются о борта лодки. Каждая под два метра высотой. Они набегают одна на другую и сталкиваются друг с другом». По мере того как ветер усиливался, разговоры прекратились. Кордоба вцепился в нос лодки, сжимая пальцами перила, да так и сидел почти все время, пока они не добрались до цели путешествия. В пять вечера рыбаки прибыли на место ловли и развернули длинную снасть, насадив наживку на семьсот крючков, расположенных на равном расстоянии друг от друга. Чтобы снасть не утонула, через каждые двадцать ярдов к ней была привязана пластмассовая фляга из-под отбеливателя. Плавающая на поверхности океана, они выглядели как обычный мусор в воде. «Забросив снасти, мы немного поговорили», – рассказывает Альваренга.

К восьми вечера снасть полностью растянулась и теперь плыла позади лодки, создавая мощную тягу, которая придавала судну большую устойчивость. Теперь лодка могла противостоять напору волн, которые толкали и дергали ее во всех направлениях. Оставалось только ждать, пока на приманку не клюнет рыба. Кордоба заснул. Альваренга покурил травку и присматривал за снастью. Дело в том, что грузовые суда-контейнеровозы, идущие из ближайшего порта в Салина-Круз, часто натыкались на снасти и рвали их. Даже если им сигналили из лодки стробоскопической лампой, это не гарантировало, что большие и неповоротливые корабли сменят курс. Многие из них шли на автопилоте, поэтому капитаны малых судов старались сделать все возможное, чтобы уйти с дороги при первых же признаках приближающегося контейнеровоза.

Примерно в час ночи Альваренга уловил первые тревожные знаки приближающейся опасности. Он почувствовал сильное беспокойство глубоко внутри. Голос шторма усилился, и опытный рыбак тотчас же уловил изменение в звучании ветра. Порывы набирали силу, и лодка стала раскачиваться, как карусель в парке развлечений. Кордоба испугался и начал паниковать.

– Убираемся отсюда скорее! – кричал он. – Поворачиваем назад! Мы утонем!

– Заткнись! – приказал ему Альваренга, но вскоре ветер и волны усилились до такой степени, что лодка стала наполняться водой.

Альваренга велел Кордобе вычерпывать воду. Взяв флягу из-под чистящего средства с отрезанным верхом, тот начал яростно черпать перехлестывающую через борт воду, но, несмотря на все усилия, Кордобе было не поспеть за волнами. Тогда Альваренга присоединился к напарнику.

– Нужно вытягивать снасть! Это Нортено. Довольно сильный! – крикнул Альваренга Кордобе, но тот не отреагировал. – Пошевеливайся, тупой осел! – прикрикнул капитан. – Давай я поддам жару, а ты начинай выбирать снасть.

В обычной ситуации капитан только наблюдает за тем, как помощник достает снасть из воды, но штормовой ветер крепчал, поэтому Альваренга натянул толстые перчатки и, помня о крючках, принялся помогать Кордобе. Так они выбирали снасть ярд за ярдом. Волны нахлестывали в лодку воды по два дюйма за раз, поэтому пока Кордоба тянул трос снасти, Альваренга черпал. Работая вместе, им удалось вытянуть половину снасти. **ОНИ ВЫБИЛИСЬ ИЗ СИЛ, НО БЫЛИ РАДЫ: УЛОВ БЫЛ ФАНТАСТИЧЕСКИМ – ДЕСЯТЬ БОЛЬШИХ РЫБИН, ВКЛЮЧАЯ ТУНЦА, КОРИФЕНУ И НЕСКОЛЬКО АКУЛ.** Кровь от рыбы заливала лодку, собиралась на дне в хлюпающие красные лужи. В любую минуту рыбакам в тело мог вонзиться крюк, хищная рыбина могла укусить их или уколоть плавником. Опасным было даже прикосновение к акуле. Если она терлась о голый участок тела, то срезала кожу как напильником. «Акула сбрасывает кожу, сдирает ее лоскутьями как шелуху. А если в рану попадает морская вода, то уж тут начинается жечь, хоть кричи. В общем-то, она кромсает тебя на лоскутья. Это как содрать кожу об асфальт, если свалиться с мотоцикла на полном ходу».

Альваренга управлял лодкой и продолжал выбирать снасть, а горсти соленой воды плескали ему в глаза. Его лодка раскачивалась и подсакивала так сильно, что было невозможно стоять в ней, не держась за перила. К тому же фляги с горючим и деревянный ящик для хранения сети занимали большую часть дна, поэтому места для стояния оставалось мало. Альваренга принял радикальное решение. У них больше не оставалось времени на выбор всей снасти, так что он решил избавиться от нее. Он знал, что такая снасть с крючками стоила не одну тысячу долларов, а теперь все это богатство уплывало в океан вместе с пойманной добычей, но шторм становился все яростней, поэтому другого выхода у них не было. Альваренга достал нож и перерезал трос. Теперь они были свободны. Однако без длинной снасти лодку начало швырять так, будто ее подбрасывал великан. Кордоба рыдал в голос, когда Альваренга посветил на циферблат компаса, чтобы установить курс 70 градусов на восток, через шторм и ночную темноту, направляясь к дому. Если все пойдет хорошо, думал Альваренга, еще до восхода солнца он будет уплетать жареного цыпленка и пить пиво, наслаждаясь недельной фиестой в ожидании, пока закончится буря.

Глава 3

В заложниках у моря

18–23 ноября 2012 г.

Положение: 100 миль от побережья Мексики

Координаты: 15° 13' 51.26 с. ш. – 94° 13' 30.36" з. д.

2-й день плавания

Альваренга, съездившись, сидел на корме, поддавал газу и вел лодку вперед. На лицо он натянул лыжную шапочку, а на голову накинул капюшон куртки. Он направлял лодку к берегу, которого не видел. Рядом с ним Кордоба, стоя на коленях, без остановки черпал и черпал, проигрывая битву против стихии, которая обрушивала на палубу все новые потоки морской воды. Видимость была почти нулевая. При свете луны Альваренге удавалось обозреть морское пространство на сотню-другую ярдов вперед, но тучи водяной пыли и вздымавшиеся волны создавали у него такое впечатление, как будто лодка кружится в центре огромного водоворота. Горизонта видно не было, и только над головой крутилось большое черное небо с мерцающими звездами. «Нас то и дело окатывало водой с головы до ног, но я не думал, что мы можем пойти ко дну, – рассказывает он. – Волны не разбивались в лодке. Они поднимали и опускали нас».

Ветер теперь буквально ревел. Его скорость была не меньше 50 миль в час. Море было вспенено, а волны бились в борт лодки, сбивая Альваренгу с курса. Как профессиональный боксер, готовящийся к важному поединку, Альваренга трезво оценивал своего противника. Ему предстояло выдержать пятичасовую битву со стихией, и, несмотря на то что он провел не один год, бороздя эти воды, Альваренга не был самоуверенным. У каждого шторма свои причуды, свои заскоки и особенности, и первейшей задачей рыбака является понять ритм и ход бури. Попеременно, то убыстряя ход двигателя, то неожиданно сбрасывая скорость при помощи дросселя, Альваренга искусно вел лодку между валами, высота которых варьировалась от двух с половиной до трех метров. В этом хаосе из пересекающихся течений и штормовых ветров он искал ключи-подсказки, которые помогли бы увидеть порядок в безумной вакханалии, создаваемой водой и атмосферой. Он не мог просто заглушить мотор и позволить носу опуститься, так как в этом случае лодку бы затопило. Альваренга правил осторожно, держа нос судна под нужным углом, высоко, перемещая центр тяжести на корму, как серфингист, скользящий по волнам на доске.

Если он начинал плыть слишком быстро, то рисковал соскользнуть вниз по поверхности волны, из-за чего нос судна ушел бы под воду, и тогда оно бы стало уязвимым для следующей волны, которая могла бы за один раз затопить лодку. Альваренга знал: если лодка наполнится водой больше чем наполовину, они будут обречены. Никакое вычерпывание тут уже не поможет. **ОНИ ПОГИБНУТ, А КАК ИМЕННО – ЭТО УЖЕ НЕ ВАЖНО. СМЕРТЬ ИХ БУДЕТ УЖАСНОЙ И БЫСТРОЙ ЛИБО МЕДЛЕННОЙ И МУЧИТЕЛЬНОЙ, РАСТЯНУТОЙ НА НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ.** Акулы всегда рядом. Никто не найдет их тела. Причина смерти – пропал в море. Единственная подсказка, которая поможет другим понять, что случилось с ними, – выброшенное на берег рыболовецкое снаряжение да обломки лодки.

Так же опасно было позволить лодке перевернуться. В таком случае не только затопит судно, но, скорее всего, самих рыбаков просто выбросит за борт. Если же они окажутся в океане даже в спасательном жилете (а он был надет только на Альваренге), то им уже не позавидуешь. Многие мексиканские рыбаки не пережили подобного приключения и не смогли рассказать о нем. Лодку может отнести на запад ветром, а самих рыбаков – на восток течением. Альваренга, конечно, был хорошим пловцом, но что сможет сделать даже очень тренированный человек против волн в шторм?

Сможет ли он забраться обратно в лодку? Это было бы единственным возможным решением, так как Кордоба вряд ли будет способен вот так сразу взять себя в руки и встать за руль. А если Кордобу смочет за борт? Альваренга смог бы попытаться, ведя лодку кругами, подогнать ее к напарнику, чтобы тот ухватился за перила и забрался обратно, но на это уйдет в лучшем случае минуты две, а барахтающееся тело Кордобы на поверхности океана в сочетании с запахом крови, растворенной в воде, будет притягивать акул как магнитом. Пока Альваренга доберется до него, парень уже будет мертв или же его будут терзать хищники. «Люди воображают, что укус акулы – это как стерильный надрез, но они просто насмотрелись голливудских фильмов, – говорит Альваренга. – Вам следует понимать, что у акулы зубы растут в семь рядов. Когда ее челюсти впиваются в тело, то вырывают из вас кусок мяса. Рана представляет собой изодранные полосы и клочья плоти, похожие на тертый сыр».

Альваренга не обращал внимания на растущее озеро, плещущееся в лодке прямо у него под ногами. Неопытный мореход наверняка бы запаниковал, начал вычерпывать воду, бросив основное занятие – управление лодкой и лавирование между волн. Альваренге нужно было снова взять инициативу в свои руки. Шторм захватил его врасплох, подстерег его. Прокладывая свой рискованный путь через волны, он вдруг понял, что движется слишком быстро. Он немного замедлил ход: в данный момент ловкость и точность были важнее скорости.

Чтобы еще больше стабилизировать движение судна, он велел Кордобе применить морской якорь. Сооруженное из ряда плавающих на поверхности буйков, скрепленных друг с другом тросом, это нехитрое приспособление создавало тягу, выравнивало нос по волнам и придавало судну большую устойчивость. Сделать его было несложно: рыбаки просто прикрутили канистры из-под отбеливателя к длинному куску лески, которую нашли в деревянном ящике. «Если бы мы не выбросили морской якорь, то потонули бы после первых нескольких волн. Даже с буйками каждая волна была испытанием, и нос лодки то и дело зарывался в воду», – говорит Альваренга, который часто прибегал к использованию такой доморощенной системы упрощения навигации в условиях шторма. Несмотря на плавучий якорь и все мастерство Альваренги, водяная пыль и бурлящие волны заливали лодку потоками воды. Пока Альваренга правил, Кордоба черпал как сумасшедший, возвращая налитое штормом обратно в океан и делая небольшие передышки, чтобы дать отдых плечам. Затем он начинал снова, обреченный выполнять свой сизифов труд в неравной борьбе с морем.

Пока Альваренга медленно вел лодку к берегу, Кордоба все больше падал духом. По мере того как ухудшалась погода, его уверенность иссякала. Временами он прекращал работу, бросал ведро и хватался обеими руками за борт, содрогаясь от рвотных спазмов и жалобно хныча. «Я, – говорил он, – подписался всего лишь на роль напарника за пятьдесят долларов – честная плата за два дня труда». Он мог убивать, потрошить и складывать рыбу в кофр хоть весь день, если было нужно. Он мог работать по двенадцать часов кряду, не жалуясь и не хныча. Он был сильный и большой парень. Но он не ожидал, что дорога домой превратится в такое изнуряющее путешествие. Он был уверен, что их утлое суденышко разобьется, что они в конечном счете окажутся в воде, а акулы завершат дело. Он начал выкрикивать свои опасения вслух, в особенности упирая на возможность быть съеденными морскими хищниками. Тем более что их треугольные плавники то и дело выныривали из воды у лодки, когда они снимали добычу с крючков и кидали ее в кофр. Оба рыбака боялись, что, если лодка перевернется, жить им останется ровно столько, чтобы понять, кого сожрут первым.

При редких вспышках молнии можно было убедиться в справедливости этих предсказаний. Однако Альваренга мало что замечал в течение этих миллисекунд, так как его глаза все время заливали соленой водой, а с неба по-прежнему не падало ни капли дождя. До канистры пресной воды, чтобы промыть их, возможности добраться не было. По мере того как все новые порции воды попадали ему на лицо, глаза стали опухать, а острота зрения снижалась.

Без сигнальных огней и даже фонарика Альваренга не просто вел лодку вслепую, а полагался исключительно на свой инстинкт. Перекаты воды под сиденьем казались хаотичными, но у плеска волн был определенный порядок, свой ритм, своя система. Они будто бы подавали сигнал, словно выстукивая азбукой Морзе некое послание. Альваренга должен был подобрать ключ для расшифровки этого послания, понять, что говорят ему волны. Опытные мореходы из Полинезии учат этому искусству своих малолетних детей. Они заставляют их ложиться в воду и дрейфовать на спине день за днем, многие месяцы. Таким образом они учатся понимать ритм океана и раскодировать информацию, заключенную в каждой волне. Полинезийские гребцы каноэ таким образом могут читать волны как книгу и понимать рисунок преломленных, наложенных друг на друга волн, который может сказать о том, что в сотнях миль от их лодки лежит земля. Это жизненно важное искусство для тех, кто ежедневно бороздит просторы Тихого океана, где острова попадают нечасто на огромных пространствах воды и разбросаны по ней, как зернышки риса в большом бассейне. Альваренга никогда не отзывался о своих навигационных навыках как о чем-то в высшей степени необыкновенном или уникальном. Мореходный талант был вшит в его мозг, и он считал его просто чутьем. **НО НА ПРОТЯЖЕНИИ МНОГИХ ЛЕТ ОН НАХОДИЛ ПО МОРЮ ОКОЛО 360 000 МИЛЬ, ЧТО РАВНО РАССТОЯНИЮ ОТ МЕКСИКИ ДО ЛУНЫ И ЕЩЕ ПОЛОВИНЕ ПУТИ ОБРАТНО.**

В слабом свете начинающегося дня Альваренга сконцентрировал все свое внимание на внутреннем компасе, и хотя волны продолжали кидать лодку из стороны в сторону, капитан сохранял уверенность и был убежден, что через четыре, максимум шесть часов они прибудут в родной порт целыми и невредимыми. Волны же преподносили сюрприз за сюрпризом, бросали в лицо соленую воду, но благодаря своей ловкости, сообразительности и сноровке капитан придерживался заданного океаном ритма и вел лодку вперед. Опасность была постоянно рядом, но и адреналина в крови было порядочно. Во многих отношениях именно такие ситуации, когда человек находится на грани жизни и смерти, когда он опьянен близостью опасности и выбросом гормонов, делали жизнь в море привлекательной для многих рыбаков. Альваренга презирал преграды. Работа в спокойном офисе ничем не отличалась для него от тюремного заключения. А вот прорываясь через трехметровые волны, когда его глаза разъедала соль, а руки немели от сжимания рукоятки румпеля, он чувствовал себя свободным.

Это был танец, который он исполнял десятки раз и редко спотыкался. Когда профессиональные спортсмены достигают высочайшего уровня концентрации, они говорят, что все вокруг начинает происходить как бы в замедленной съемке, отсюда поистине невообразимая координация футболиста, который делает маневр и проводит идеальный удар головой, посылая мяч в угол ворот. **ДЛЯ АЛЬВАРЕНГИ ЭТА АТАКА ВАЛОВ, ПЛЕСЕК ВОЛН И ВОЙ ВЕТРА БЫЛИ ЕГО ИГРОВЫМ ПОЛЕМ. В ЕГО ГОЛОВЕ ПРОИСХОДИЛО ГРАНДИОЗНОЕ ШОУ, И ОН БЫЛ ЗВЕЗДОЙ НОМЕР ОДИН НА ЭТОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ.** Потом, лежа в гамаке в своем бунгало в Коста-Асуль, он будет рассказывать коллегам-рыбакам очередную захватывающую историю, которая, несомненно, станет определяющим моментом в его великолепной карьере капитана.

Однако Кордоба не разделял уверенности Альваренги. Напуганный донельзя, он становился все более злым, агрессивным и нервным, открыто отказываясь выполнять приказания вычерпывать воду. «Я посмотрю, что я смогу сделать!» – кричал он. Страх Кордобы усиливался из-за растущего уровня адреналина в крови и парализующей волю мысли о перспективе утонуть в море. Альваренгу раздражал этот бунт на корабле. Он то и дело говорил своему молодому напарнику: «Когда мы доберемся до берега, между нами все кончено. Мы никогда больше не будем работать вместе. Никогда, слышишь?»

Потом Альваренга попробовал применить другой подход. Он попытался немного успокоить парня, одержимого приступом истерии.

– Ты же любишь деньги? – спросил он Кордобу.

– Конечно, я люблю деньги, – ответил тот.

– Ну вот и пройди через это испытание. Я не виноват в том, что на море разыгрался шторм. Это естественно, и такое время от времени случается с каждым рыбаком. Теперь пришла наша очередь пострадать немного. Но мы же не умрем от этого.

Альваренга теперь уже жалел, что не дождался своего старого напарника Рэя, с которым плавал на протяжении прошлого года. Рыбаки так сблизились, что стали называть друг друга *mi pareja* (мой партнер), как обычно говорят о супругах. Такое обращение было признанием ежедневных самоотверженных усилий в работе, которую они выполняли друг с другом наравне. «Мы понимали друг друга с полуслова, и мне никогда не приходилось говорить Рэю, что делать», – рассказывает Альваренга. Он представлял, что будь на месте Кордобы Рэй, тот бы черпал воду обеими руками и одновременно шутил, травил байки и болтал не переставая. Он, наверное, даже умудрялся бы при этом одновременно курить косячок марихуаны.

Кордоба все больше поддавался отчаянию. Он замерз и практически впал в состояние оцепенения. Альваренга не мог бросить румпель и начать вычерпывать воду сам. В то же время он не мог просто смотреть на то, как лодка наполняется водой. Уровень воды в ней достигал уже 30 см и подбирался к его икрам. К тому же вода была ненужным балластом, нарушавшим устойчивость лодки. Она плескалась от кормы к носу, и ее веса было достаточно, чтобы заставлять двух людей скользить по палубе туда-сюда. Волны теперь были такими высокими, что, когда они ударялись о борт лодки, людей жестоко бросало из стороны в сторону. Один раз, когда налетела особенно сильная волна, Кордоба отлетел и ударился о край скамейки. Альваренга с беспокойством следил, как его молодого напарника швырнуло через всю лодку. Он молча восхитился хорошей физической формой парня. Кордоба пережил четыре или пять таких падений, которые вырубili бы большинство других людей. «Все дело в правильном положении, – подумал Альваренга. – Он просто не знает, как нужно развернуть свое тело».

Альваренга продолжал сидеть на корме. Он вцепился в двигатель, крепко сжимая румпель и намереваясь провести лодку сквозь шторм, который уже достиг такой силы, что инспекторы порта по всему побережью запретили выходить судам в море, а находящимся в рейсе рыбакам велели немедленно вернуться на берег. Альваренга же никогда не слушал радио. Вместо этого он представлял восторженные крики, которыми его встретят на берегу, когда он пришвартуется к причалу в лагуне Коста-Асуль. Еще одно триумфальное прибытие Чанчи! Но его радужные фантазии были прерваны очередной серией воплей и криков Кордобы. Кажется, молодой неопытный напарник начал сходить с ума. Он стоял, развернувшись лицом к ветру, и выкрикивал ругательства в адрес разбушевавшейся стихии.

– За что Бог так милосерден ко мне? – вопрошал Кордоба. – Почему он так жестоко наказывает меня?

На протяжении следующих трех часов Альваренга шел строго на восток. Он скользил по волнам по диагонали. Когда ему нужно было повернуть на север, он тянул румпель на себя, что заставляло лодку разворачиваться в крутом повороте налево. Если же отодвинуть румпель от себя на всю длину руки, то это позволяло круто развернуть лодку направо, то есть на юг.

Альваренга держал свой навигационный прибор GPS в ведре с одеждой. Устройство стоимостью в 80 долларов не было водонепроницаемым. Он сверялся с показаниями прибора нечасто, но каждый раз его ждали хорошие новости: несмотря на встречный ветер и северные течения, в первые часы плавания они приблизились на 40 миль к берегу. Они прошли почти половину пути, но оставшиеся 50–60 миль должны были стать самыми сложными. **ШТОРМ ТЕПЕРЬ УЖЕ РАЗЫГРАЛСЯ ВО ВСЮ МОЩЬ: ОН НАБИРАЛ СИЛУ НА ЗЕМЛЕ И ОБРУШИВАЛ ВОЗДУШНЫЕ МАССЫ, БУКВАЛЬНО СДУВАЯ ГРЕБНИ С ВОЛН.**

Для продвижения лодки в таких сложных условиях требовалось гораздо больше бензина, чем указывалось в расчетах производителя двигателя, но Альваренга захватил с собой две дополнительные пятидесятилитровые канистры с топливом. Он возил солидный запас горю-

чего и раньше: оно могло пригодиться при спасении собрата-рыбака, при поисках потерявшейся сети или же во время преследования косяка рыбы. «Некоторые ребята выходили в море, беря с собой минимальное количество топлива, а потом можно было услышать по радио: «Привет, босс. У меня вышел весь бензин». Они не задумывались о том, что после рыбалки нужно будет возвращаться домой. Такой у них образ мышления».

Кордоба перебирался туда-сюда от безопасной кормы до свободного места на носу. Он дрожал, молил небо о помощи и был в таком смятении, что Альваренга опасался, как бы он не прыгнул в море по собственной инициативе. «Парень просто сошел с ума. Несколько раз он залезал в кофр со льдом и сидел там», – рассказывает Альваренга. Несколько раз Сальвадор приподнимал крышку и заглядывал в ящик. Кордоба лежал поверх обезглавленных рыбьих тел, будто сам был макрелью или тунцом. Он дрожал от страха, глаза у него были выпучены, как у замороженной кефали.

Пока Кордоба плакал и искал укрытия, Альваренга вел лодку через все более высокие волны, неуклонно продвигаясь в направлении берега. Было сложно вычерпывать воду и одновременно править, но от Кордобы помощи ждать не приходилось. Теперь он был скорее мертвым грузом, нежели первым помощником. Когда одна волна подбросила их, а потом обрушила вниз в головокружительном падении, лодка ударилась о воду, издав громкий хруст: похоже, от удара треснул корпус. «Нам повезло, что лодка только что была отремонтирована, – говорит Альваренга. – Шторм, в который мы попали месяц назад, погнул и ослабил основную подпорку. Мы только недавно подлатали ее и установили дополнительную стойку, поэтому лодка выдерживала такие большие нагрузки». Если корпус выдерживал выпавшие на его долю неприятности, то пластмассовое ведро, где находились все средства связи, не пережило удара и треснуло по всей длине. Через несколько минут, когда Альваренга решил позвонить на берег и сообщить о том, что терпит бедствие, а также дать спасателям свои координаты, он обнаружил, что все вещи промокли. Радио все же функционировало, а вот навигационный прибор плавал в воде и был безнадежно испорчен. О том, чтобы высушить его, не могло быть и речи. К счастью, они были уже недалеко от берега, поэтому Альваренга решил, что вскоре сможет плыть, ориентируясь по вехам на суше.

Битва с волнами была сложной и опьяняющей. К семи утра оба рыбака держались из последних сил, поэтому Альваренга объявил небольшой перерыв для завтрака. Волны не утихали, и, вспоминая впоследствии о былом, оба удивлялись собственному решению. **КАКАЯ СИЛА ОВЛАДЕЛА ИМИ И ЗАСТАВИЛА ПОВРЕМЕНИТЬ С ВОЗВРАЩЕНИЕМ НА БЕЗОПАСНЫЙ БЕРЕГ, ПУСТЬ ДАЖЕ И НА НЕСКОЛЬКО МИНУТ?** Однако ж голод творит с мозгом человека странные вещи, и где-то в глубине своего разума, занятого одновременно решением нескольких вопросов, Альваренга решил, что не будет ничего плохого в том, если они позволят себе такую роскошь, как пятнадцатиминутный перерыв на завтрак.

Альваренга достал мексиканские лепешки тортилья, лук и помидоры. В целлофановом мешке находилось четыре фунта говяжьей печени с кровью. Подержать тортильи над огнем, как это делалось в обычных условиях, было нельзя, однако из холодных кукурузных лепешек с печенью и помидорами получился хороший ролл. Рыбаки ели быстро. При этом Альваренга не выключал мотор, а держал его на холостом ходу, пока они с Кордобой заталкивали себе в рот тортильи с начинкой. А лодка между тем шла меж волнами. После еды Кордоба воспрянул духом, но вместе с пищей он получил от Альваренги и строгое внушение. «Мне, – сказал тот, – требуется помощь, поэтому ты должен начать вычерпывать воду из лодки».

Закончив завтрак, Альваренга запустил мотор на полную и продолжил прокладывать нелегкий курс к берегу. Он заметил, что видимость стала лучше – завеса туч приподнималась, открывая обзор на многие мили вокруг. Пока что никаких признаков земли, но они медленно к ней приближались. Скоро должны появиться горы. Они всегда появлялись первыми, как мазки на горизонте, сулящие обещание твердой земли. Даже если ему не удастся добраться до

безопасной лагуны Коста-Асуль, Альваренга знал, по крайней мере, шесть других мест вдоль побережья, где можно было найти временный приют.

Было восемь часов утра, когда Альваренга впервые заметил звуки, говорящие о перебоях в работе двигателя. Это были не просто капризы перегруженного механизма. Звуки, которые начал издавать двигатель, больше напоминали икоту или тихое ворчание человека, прочищающего горло. Механизм производства фирмы «Yamaha» работал все время идеально, но дело в том, что этот же самый мотор выходил из строя неделю назад. Через десять минут Альваренга был вынужден признать, что болезнь двигателя приняла хроническую форму.

Рыбаки в Коста-Асуль относились к восстановленным двигателям с подозрением. Прежде чем взять такой мотор в море, они обычно монтировали его на импровизированном стенде на суше, заводили и оставляли так работать на несколько часов. Нужно было обкатать механизм. «Иногда от таких моторов отваливаются целые куски. После ремонта мы всегда давали движку поработать, по крайней мере, несколько часов. А на сей раз, с этим мотором, я не стал заморачиваться», – признается Альваренга.

Звук работающего двигателя продолжал меняться. Партнеры стали обсуждать, что это могло бы значить. Может быть, в него попала вода? Они пришли к мнению, что вряд ли свечи вышли из строя. При такой неполадке мотор обычно начинает чихать и фырчать, но это можно легко устранить, разобрав его и промыв свечи в бензине, после чего можно смело продолжать путешествие. В данном случае болезнь скрывалась глубоко в недрах мотора, и он постепенно начинал терять свою мощь.

Около девяти утра Альваренга заметил горы на горизонте. Они находились примерно в двадцати милях от берега. Альваренга сдернул капюшон с головы и принялся искать знакомые ориентиры. Теперь можно было обойтись без электронных приборов. По этому участку акватории он плавал сотни раз. Оставалось преодолеть только лишь одну последнюю довольно серьезную опасность – зловещую полосу прибоя у берега, где волны обычно бывали просто огромными. Причаливать к берегу в шторм было настолько опасно, что рыбаки, бывало, вцеплялись в перила лодки, готовые при первой же опасности сигануть в океан. Пусть их лучше выбросит на берег прибоем, чем накроет собственной перевернувшейся лодкой.

Едва Альваренга успел насладиться видом близкого берега, как бурчанье мотора перешло в частое прерывистое чихание. Может быть, оборвался бензиновый шланг? Или отошел какой-нибудь провод? **«Я НЕ МОГ ПОВЕРИТЬ В ПРОИСХОДЯЩЕЕ, – ГОВОРИТ ОН. – Я ВИДЕЛ БЕРЕГ. МЫ БЫЛИ ВСЕГО ЛИШЬ В ПЯТНАДЦАТИ МИЛЯХ ОТ ДОМА, И ТУТ МОТОР ВДРУГ НАЧАЛ СДАВАТЬ».**

Альваренга решил остановить двигатель, провести быструю отладку, а потом продолжить путь. Риск плыть дальше с таким двигателем был очевиден. Три года назад Альваренга прошел через подобный опыт. У него сломался двигатель в море, и пропеллер начал крутиться так медленно, что лодка двигалась со скоростью 1 миля в час. До берега он плыл целых три дня. Разобрав мотор, Альваренга прочистил его, вывернул и промыл свечи, но когда установил его обратно, то не смог запустить. Он вообще не включался.

Судя по звукам, не было ни искры, ни подачи бензина и вообще никакой связи между ними. Пребывая в состоянии раздражения, Альваренга снова и снова дергал за шнур и стер кожу на двух пальцах (указательном и среднем) до волдырей, потом – до кровавых мозолей. Словно гитарист, меняющий натертые пальцы, Альваренга уцепился за шнур безымянным. Он дергал за шнур всеми пальцами по очереди, пока даже мизинец не онемел от боли и не начал кровоточить. В конце концов, после очередного рывка шнур оборвался, а без него нельзя было запустить двигатель, и Альваренга почувствовал себя беспомощным, практически голым, незащищенным против жестокого шторма. Он разобрал мотор и попытался приладить новый шнур, что, впрочем, ему не удалось. И тут его обуял гнев. «Я кричал на двигатель, я проклинал

его и изрыгал ругательства». Когда приступ гнева прошел, Альваренга схватил радиопереговорное устройство и связался со своим боссом.

– Уилли, Уилли! Вызывает Альваренга. У меня накрылся мотор! – прокричал он в микрофон.

– Чанча! Успокойся, приятель. Дай мне свои координаты, – послышался из динамика голос Уилли, находящегося на причале в Коста-Асуль.

– Я не знаю координат. Наш навигационный прибор накрылся, – ответил чрезвычайно удрученный Альваренга.

Уилли же, поняв, что его товарищи находятся в пределах видимости с берега, пришел к простому решению.

– Бросай якорь и жди помощи, – приказал он.

Уилли решил, что Альваренга может зацепиться за дно и переждать шторм. Поскольку они были недалеко от берега, то при первом же прояснении за ними можно будет послать несколько лодок и спасти. При худшем раскладе можно будет просто спасти команду, а за лодкой вернуться позже.

– У нас нет якоря, – сказал Альваренга.

– О'кей, Чанча. Жди нас. Мы уже едем. Я вышлю Трумпилло, – был ответ Уилли.

– Если соберешься спасать меня, то лучше бы тебе выдвинуться прямо сейчас. Волны просто огромные. К тому же мы начерпали полную лодку воды, – предупредил его Альваренга. – Лучше бы вам поторопиться. Я и в самом деле попал в серьезную переделку.

Это были последние слова Альваренги, которые слышали люди, находившиеся на берегу.

Дата: 19 ноября 2012 г.

Положение: 20 миль от побережья Мексики

Координаты: 15° 37' 45.48" с. ш. – 94° 0' 46.69" з. д.

3-й день плавания

После разговора с коллегами на берегу Альваренга переключил все свое внимание на борьбу со штормом и приказал Кордобе выбросить плавучий якорь, так как динамические характеристики судна без тяги, которую создавал работающий двигатель, сильно изменились. Теперь Кордоба и Альваренга остались один на один в битве с бурей. В такую погоду было очень рискованно начинать спасательную операцию и отправляться на поиски пропавших. Оба рыбака знали и соглашались с этим. Альваренга преподавал Кордобе краткий мастер-класс по выживанию в море. «Я говорил ему: внимательно следи за волнами. Держись за борт лодки. Я пытался объяснить ему, что будет происходить в ближайшие несколько минут и как нужно будет вести себя».

Волны сокрушали лодку. Альваренга и Кордоба действовали как одна команда. Инстинкт выживания помог им обоим преодолеть усталость. При солнечном свете они могли видеть накатывающие волны, поднимающиеся над ними и разбивающиеся вдребезги. Рыбаки принимали и прижимались к борту лодки, держась за перила. В зависимости от того, откуда шла очередная волна, они перепрыгивали от борта к борту в попытке противостоять толчку. Но волны были просто неистовыми. Они сталкивались друг с другом в воздухе, сливались в валы, которые подбрасывали лодку на несколько секунд над поверхностью океана, откуда можно было обозревать окрестности с высоты трехэтажного дома, а потом резко бросали судно вниз, и в груди возникало такое чувство, будто несешься к земле в скоростном лифте. На ногах у обоих были пляжные сандалии, которые не обеспечивали хорошего сцепления с мокрым деревом. По мере нарастания силы шторма Кордобу стало бросать из стороны в сторону, как тряпичную куклу. «На голове у него была шишка. Она не кровоточила, но он в самом деле сильно приложился к чему-то, – говорит Альваренга. – В другой раз он чуть не переломал себе все ребра. Я велел ему держаться за перила. У нас, мол, тут нет ни врачей, ни лекарств».

Альваренга вскоре понял еще одну вещь: в лодке находилась почти тысяча фунтов рыбы, что делало судно тяжелым и неустойчивым. Не имея времени советоваться или спрашивать разрешения у босса, Альваренга принял решение выбросить весь улов в океан. Рыбаки открыли кофр и принялись доставать из него липкие холодные рыбины и бросать их одну за другой за борт. Большинство рыбин весило менее двадцати килограмм, поэтому каждый мог справиться в одиночку, однако, когда очередь дошла до тунцов и акул, тут уж им пришлось попотеть. В каждой рыбине было почти 35 кг веса, поэтому скользкие, покрытые кровью туши приходилось хватать за голову и хвост с двух сторон одновременно и после раскочки бросать в океан. Свалиться за борт было проще простого и опаснее, чем когда-либо. Ведь запах крови должен был, несомненно, привлечь акул. Получается, что они сами же и приманивали морских хищников к себе.

Почти час рыбаки боролись против ветра и волн, разгружая кофр с ледяной рыбой. Они делали частые десятиминутные перерывы, ожидая передышек между серией волн, затем отходили от бортов и бросались снова опустошать кофр. «Нужно было уменьшить осадку лодки, чтобы возвысить ее над уровнем воды. Это дало бы нам преимущество в сражении со штормом», – говорит Альваренга. Они выбросили за борт также весь лед из кофра и фляги с бензином, а для большей устойчивости Альваренга велел спустить на воду еще пятьдесят буйков на канате. «Именно благодаря этим пустым флягам из-под моющего средства мы продержались на воде все утро», – замечает он.

Примерно в десять утра индикатор на радиопередатчике потух: в нем разрядились аккумуляторы. Теперь они не могли связаться с командой спасателей и сообщить им, где находится терпящее бедствие судно. Еще до полудня первого дня шторма Альваренга уже знал, что буря продлится около пяти дней. Потеря навигационного прибора была небольшой бедой. Вот неработающий двигатель действительно представлял серьезную проблему. **БЕЗ РАДИОСВЯЗИ АЛЬВАРЕНГА И ЕГО НАПАРНИК БЫЛИ ПРЕДОСТАВЛЕНЫ САМИМ СЕБЕ.**

Бесконечная качка при свободном плавании создавала у обоих ощущение, будто лодка просто ходит вверх-вниз, а не движется в каком-то определенном направлении. Только гораздо позже они осознали, как быстро их сносит на северо-запад, в открытый океан. Лодка то и дело начинала вращаться, как будто спускалась куда-то по закручивающейся спирали, а потом, описав несколько полных кругов, остановленная ветром или океанским течением, снова выравнивалась. Вода то и дело перехлестывала через борта, и ее уровень в лодке достигал уже полуметра. Оба рыбака работали ведрами так быстро, насколько могли, следя при этом за изменениями в ритме накатывающих волн. Глаза Альваренги воспалились и опухли от соленой воды. Кордоба, полускрючившись рядом с палубой, держался за борт одной рукой, а второй пытался вычерпывать воду. Когда он стоял, уровень воды достигал его колен.

В полдень их судно сотряс удар чудовищной силы: огромная волна обрушилась в левый борт, из-за чего лодку приподняло и перекосило под опасным углом подобно машине, наехавшей на дорожное ограждение. Альваренга, который в тот момент шел от кормы к середине лодки, был сбит с ног и грохнулся на пол. Кордоба же вообще был подхвачен потоком воды и унесен в океан.

«В результате все, что было в лодке, смыло в море к чертовой матери, – рассказывает Альваренга. – Все снасти, фляги с водой, пакеты с едой, а Кордоба вообще очутился за бортом. Ему чудом удалось схватиться за перила одной рукой, так что его голова и грудь были в лодке, а ноги – в океане. Парень цеплялся за перила руками с другой стороны и кричал как сумасшедший. Не думаю, что он продержался бы долго в таком положении. Я схватил его за волосы и втащил обратно как большую рыбину».

Кордоба промок до нитки и был напуган до смерти. Дрожа, он опустился на дно лодки и поблагодарил капитана кивком головы. «У него изо рта и из носа текла вода, – говорит Альваренга. – А наша лодка к тому времени была затоплена до половины».

Альваренга оценил последствия происшествия. Ему не верилось, что его судно тонет. **КОРДОБА ЖЕ БЫЛ ПАРАЛИЗОВАН СТРАХОМ. ОН БЫЛ В ШОКЕ (ВЕДЬ ТОЛЬКО ЧТО ЧУТЬ БЫЛО НЕ УТОНУЛ), НО АЛЬВАРЕНГА БЫСТРО ПРОБУДИЛ В НЕМ ИНСТИНКТ САМОСОХРАНЕНИЯ.**

– Помогай мне! – крикнул он напарнику. – Давай вычерпывать воду!

– Да пусть мы лучше утонем, – простонал Кордоба.

– Только не смей мне сдаваться! – просил его Альваренга. – Шторм когда-нибудь закончится. Буря пройдет, и мы будем спасены!

Шторм полоскал рыбаков весь день. Они трудились не покладая рук, вычерпывая воду и не позволяя стихии затопить лодку. Работа одних и тех же мышц, однообразные движения, повторяемые час за часом, благодаря которым удавалось выбросить за борт хотя бы половину налившейся воды, – все это закончилось тем, что оба едва держались на ногах. Альваренга к тому же еще пребывал в состоянии неимоверной ярости. Он взял дубинку, которой они глушили рыбу, и в приступе неконтролируемого гнева начал крушить ею бесполезный двигатель. Потом он схватил радиопередатчик, навигационный прибор и выбросил оба устройства за борт.

После захода солнца стало холодно. Альваренга и Кордоба забрались в кофр для рыбы, перевернутый вверх дном, и устроились внутри его. Когда ветер начинал свистеть снизу, они использовали пластмассовую крышку ящика для защиты от наиболее яростных порывов. Водяная пыль осела. Двое мужчин, промокших до нитки, будучи не в состоянии даже сжать руку в кулак от холода, обнялись и обхватили друг друга ногами, да так и сидели в своем укрытии. Но по мере того как лодка оседала все больше, они по очереди вылезали из кофра и минут десять-пятнадцать вычерпывали прибывающую воду. Чтобы вернуть хотя бы несколько галлонов воды обратно в океан, приходилось натруживать и без того уставшие мышцы и усугублять растущую боль. Дело продвигалось медленно, однако озеро у них под ногами постепенно становилось все меньше.

Кордоба начал всхлипывать.

– Не плачь, – говорил ему Альваренга. – Нужно вычерпать всю воду из лодки.

Когда опустилась ночь и мир вокруг поглотила темнота, ветер подул прямо с берега, из-за чего их лодку все дальше уносило в океан. Теперь они находились примерно на том самом месте, где еще вчера ловили рыбу – в ста милях от берега. Сказать точнее было нельзя: без навигационного прибора они могли ориентироваться только по звездам.

Альваренга начал вспоминать своих друзей, пропавших в океане: Эль-Индио, Вичо, Ла Селия, Пихассо, Ричард. У всех у них остались семьи. Особенно жаль Альваренге было тех, кто умер молодым. **ЕСЛИ ЕМУ СУЖДЕНО УТОНУТЬ ПРЯМО СЕЙЧАС, ТО, ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ, ОН ПОГИБНЕТ С ОСОЗНАНИЕМ ТОГО, ЧТО В ПОЛНОЙ МЕРЕ НАСЛАДИЛСЯ ЖИЗНЬЮ И ВЗЯЛ ОТ НЕЕ ВСЕ.** Впервые он почувствовал себя виноватым из-за того, что взял с собой в рейс молодого Кордобу. Парню было всего лишь 22 года, и он едва миновал пору отрочества. Впрочем, Альваренга предполагал, что спасатели отправятся искать их уже на рассвете. Он и сам участвовал в подобной операции несколько лет назад. «Несколько наших друзей оказались в море. У них сломался двигатель, так что они связались с нами по радио, – рассказывает Альваренга. – Я находился в тот момент как раз на берегу. Я знал, где они ловили рыбу, поэтому сразу сказал: «Поехали!» Я выбросил из лодки все ненужное, оставив самое необходимое, чтобы она стала как можно легче, закинул туда несколько фляг с бензином и отправился в путь. Я организовал всю экспедицию и в конечном

счете нашел их. Мы отбуксировали их к берегу на тросе. Как они радовались! Они кричали: «Молодец, Чанча! Ты сделал это! Ты нашел нас». Бог ты мой, как они ликovali».

С наступлением ночи пришли другие неприятности. В темноте лодка стала особенно уязвимой – того и гляди перевернется. Дул холодный ветер, и надежда на выживание стала совсем призрачной. Поскольку теперь рыбаки не видели волн, они не могли подготавливаться к их неожиданным ударам. Напарников бросало то в одну сторону, то в другую. Лодку вертело и кидало туда-сюда, как пробку в барабане работающей стиральной машины. «Люди часто забывают, что в океане все движется в трехмерном пространстве, – говорит Лука Центуриони, специалист по изучению океанских течений из Института океанографии Скриппса, Калифорния. – Это не линейный опыт, а больше похоже на пинбол».

Кордоба начал сдаваться:

– Для чего вообще так много двигаться?

– Слушай мои приказы. Подчиняйся мне. Я тут главный, – отвечал Альваренга в гневе. – Если бы ты был главным, мы бы давно уже умерли.

– Босс, не сердись на меня, – простонал Кордоба.

– Тогда подчиняйся мне, и я проведу нас обоих через все это, – пообещал Альваренга ободряюще.

Сам же в глубине души он почувствовал поднимающуюся панику.

«Когда же это все закончится? – подумал он. – А главное – как?»

Глава 4

Бесплодные поиски

*Со 2-го по 7-й день плавания
Коста-Асуль, Мексика*

В девять утра, когда посланный Альваренгой сигнал SOS был принят в лодочных доках Коста-Асуль, среди местных рыбаков тотчас вспыхнули яростные дебаты. Несколько мужчин настаивали на том, чтобы сразу после завтрака отправить спасательную группу на поиски своего терпящего бедствие товарища. Другие же считали, что в такой шторм слишком опасно выходить в море. Это был спорный аргумент. Почти все лодки вышли на лов в то утро и теперь находились примерно в таких же условиях, сражаясь со стихией и стремясь во что бы то ни стало вернуться к родным берегам. К тому же на данный момент, помимо экипажа Альваренги, пропало еще две лодки, поэтому на берегу осталась только основная команда, так сказать костяк. Береговая охрана и портовые службы были уведомлены о пропаже нескольких рыбаков, но никто не ожидал от них активных действий. Их скромные поисково-спасательные ресурсы уже были задействованы: искали другую лодку с пропавшими моряками, которая исчезла в океане во время шторма двумя днями ранее.

К полудню начал вырисовываться более-менее понятный план дерзкой спасательной операции. На поиски Альваренги решено было отправить одну лодку. Во главе ее экипажа должен был встать Трумпилло, искусный кормчий и ветеран мореходного дела. Рэй, верный партнер Альваренги, вызвался добровольцем и стал вторым членом мини-команды, отправлявшейся на спасательную операцию. Из лодки вынули все рыболовное оборудование и нагрузили ее под завязку канистрами с бензином. Команда из двух человек надела штормовки, взяла рации с заряженными аккумуляторами, запас еды на двое суток, фляги с пресной водой и толстый трос на случай, если им придется буксировать лодку к берегу.

У спасателей было лишь приблизительное представление о том, где искать терпящее бедствие судно. Во время последнего сеанса радиосвязи, когда двигатель уже не работал, Альваренга сказал, что видит горы Бокка-дель-Сьерра (Небесные врата). Судя по этому ориентиру, рыбаки находились не далее двадцати миль от берега. Если бы спасатели имели точные координаты, то вся операция была бы хоть и опасной, но осмысленной и понятной. Однако без данных глобальной системы навигации поиски превращались в игру-угадайку, бесцельное борождение вод океана. Может быть, лодка находилась в пятнадцати милях от берега? Или же в двадцати пяти милях? Разница в пять-десять миль расширяла район поисков на сто, а то и двести квадратных миль, что соответствовало примерно площади, в четыре раза превышавшей размеры крупного мегаполиса, такого как Сан-Франциско. А поскольку видимость в условиях шторма была снижена, то для того, чтобы найти друг друга в открытом океане, двум лодкам нужно было буквально столкнуться нос к носу.

«Все это было невыносимо, – говорит Рэй, описывая первоначальную спасательную операцию, которая началась через три часа после того, как от Альваренги был получен сигнал SOS. – Волны были огромными – пять-шесть метров в высоту. Мы отошли миль на двадцать пять от берега, но волны буквально топили нас. Наша лодка тотчас наполнилась водой почти наполовину, и я подумал, что тут нам и крышка. Трумпилло, капитан нашей команды, сказал, что плыть дальше очень опасно, что мы сами можем погибнуть, спасая товарищей, поэтому мы повернули обратно».

Трумпилло и Рэй плавали весь день вблизи берега и вернулись в лагуну только в девять вечера. Спасатели приехали одни. Им так и не удалось найти Альваренгу с Кордобой. Было

слишком темно, чтобы продолжать поиски, поэтому оставалось только дожидаться утра. Вместо того чтобы праздновать день рождения Доны Мины и напиваться в веселой компании, ребята сидели за столом в кафе, прислушивались к сигналам радиации, в надежде, что Альваренге все же удастся выйти на связь. Возможно, его передатчик просто промок. Просушив его, можно попробовать включить устройство и связаться с берегом. Помимо команды Чанчи, не вернулись еще две лодки с четырьмя рыбаками. Они промышляли где-то у побережья, но с ними пропала связь, и больше о них не слышали.

Толпа в кафе все росла. Собравшиеся выдвигали все новые предположения. От стола к столу ходили версии того, что случилось или могло случиться с Альваренгой. То и дело раздавались взрывы смеха, когда кто-то вспоминал какую-нибудь из тех историй, что любил рассказывать Чанча. Подогретые парами алкоголя – пиво марки «Корона» не переводилось на столе – и взбодренные дымом марихуаны люди избегали говорить о своем сотоварище в прошедшем времени. Они были уверены, что Чанча непременно вернется и расскажет им еще одну, свежую историю о своих приключениях на море, которая еще больше прославит его. Собравшиеся в кафе рыбаки хвалили пропавшего товарища, вспоминая все самое лучшее, что знали о нем. «А помните, как Чанча взялся присматривать за домом Соломона? Хозяева забыли оставить ему деньги на еду, да и кладовая была пуста, поэтому он спасся тем, что жрал собачий корм. Ну, те самые сухарики, что продаются в пакетах, – сказал Уилли. – Я как-то раз зашел к нему и увидел, что Чанча ест эти сухари из чашки, залив их молоком, будто овсяные хлопья. Я сказал ему: “Чувак, у тебя будет заворот кишок от этой дряни”. Он так посмотрел на меня и ответил: “Ну, собаки-то не помирают. Значит, и со мной все будет в порядке”».

НИКТО НЕ СОМНЕВАЛСЯ, ЧТО У АЛЬВАРЕНГИ ЕСТЬ ВСЕ ШАНСЫ ВЫЙТИ ЖИВЫМ ИЗ ОПАСНОЙ ПЕРЕДЕЛКИ. ВО ВСЕХ СОРЕВНОВАНИЯХ ОН ВСЕГДА ВЫХОДИЛ ПОБЕДИТЕЛЕМ. Он мог поднять над головой на вытянутых руках шестидесятилитровые канистры шесть раз подряд. А кто еще мог есть практически все что угодно, начиная от енотового мяса и заканчивая кормом для собак? Утонуть Альваренга не мог, в этом все были уверены, так как пловцом он был превосходным. Будучи искусным мореходом, он обладал также всеми средствами для спасения в бурном штормящем море. «Мы слышали его голос по радиации, а значит, его лодка была на плаву. Это был хороший знак, – говорит Рэй. – Но я чувствовал себя виноватым из-за того, что оставил его одного. Меня не было с капитаном в то время, когда я был так нужен ему. А он находился в рейсе с напарником-новичком».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.